

Георгий Ланской
Не умирай в одиночку

«Автор»

2008

Ланской Г. А.

Не умирай в одиночку / Г. А. Ланской — «Автор», 2008

Новый гламурный эротический триллер от автора нашумевшего бестселлера
«Смерть в ритме танго».

© Ланской Г. А., 2008

© Автор, 2008

Георгий Ланской

Не умирай в одиночку

Все события, описанные в этой книге вымышлены.

Любое сходство с реально существующими людьми и событиями

– случайность.

Больно...

Рук она почти не чувствовала. Времени тоже не ощущала. Да и не до этого было. Какое там чувство времени, когда тебя выворачивает от всеобъемлющего страдания, когда каждая клеточка организма кричит, нет, не кричит, а воет о пощаде.

Пить...

Воды нет. И все-таки что-то капает. Пальцы рук, которые она еще слегка чувствовала, были влажными и липкими. И почему-то очень горячими. Впрочем, ей сейчас казалось горячим все, особенно стена, на которой она висела, как тряпичная кукла, как Буратино на гвоздике. Только гвоздиков было не в пример больше. Да и вешали деревянного дурачка за бумажную курточку. Ему не вгоняли в ладони деревянные гвозди, которые жгли ее ладони как огнем.

Ногами она тоже не могла пошевелить. Да и зачем?

Глоточек воды... хоть капельку...

У нее уже почти не оставалось сил. Не хотелось бороться, не хотелось убеждать монстра, прятавшегося в лабиринте, что она никому ничего не скажет. Если, он, конечно, сохранит ей жизнь. Теперь, мутным клубком сознания, она понимала, что все ее слезы не стоят ничего. Терзавший ее демон придет снова, и снова будет мучить до тех пор, пока не насытится. Или пока она не умрет...

Как же жжет голову... Как же хочется пить...

Она совершенно не задумывалась над тем, как выглядит со стороны. Не до того было. А тому, кто все это затеял, казалось, нравилась эта пародия на Христа: маленькая обнаженная фигурка молодой девушки, прибитой толстыми гвоздями к деревянной стене. Терновый венок на голове с успехом заменял свернутый в рулон моток колючей проволоки, выполнявший свою функцию с не меньшим успехом. Острые шипы впивались в кожу девушки, когда она вырывалась из липкого забытья и неосторожно дергала головой. По шее, лбу и вискам непрерывным потоком текли струйки крови, капая на пару бумажных корабликов, валявшихся под ней на полу. Внизу крови было уже столько, что можно было утопить целую флотилию. Она все капала и капала, с ног, рук, а кораблики почему-то не плыли, а размокали и теряли форму.

Пить...

Все так невинно начиналось. Вначале был легкий флирт. Ей приходилось общаться с самыми разными людьми: эрудированными и не очень, виртуозами вранья и сексуально озабоченными придурками, молоденькими мальчиками, жаждущих любви опытной женщины и людей, у которых секс, увы, остался только приятным воспоминанием. С каждым из них она была разной: понимающей или презрительной, вызывающе-откровенной или чрезмерно сдержанной, хамоватой или напротив. Главное, что она была интересна всем. Ее появление всегда вызывало бурю эмоций. Кто-то ее обожал, кто-то недолюбливал, кто-то любил, кто-то ненавидел. Ей не было особого дела до этих мужчин и женщин. Только некоторые из них подпускались в ее свиту. Лишь с отдельными она дружила, лишь немногим позволяла заглянуть себе в душу.

Боль в руках была нестерпимой. Она застонала и попыталась поднять голову. Спутанные окровавленные пряди лезли в глаза, прилипали к щекам.

Как такое вообще возможно?

Эти самые пряди она заботливо лелеяла. В парикмахерской накануне этой жуткой встречи она сделала замысловатую прическу и даже (фу, какая пошлость!) позволила спрыс-

нуть волосы лаком с блестками. Платье тоже выбирала целых сорок минут. Ну не могла же она явиться на встречу с Самым Лучшим Мужчиной в джинсах и свитере?

Лучше бы одела свитер. Лучше бы вообще сидела дома и не высывалась. Как же больно... Однако даже несмотря на эту жуткую пульсацию в руках и ногах, она хотела одного. Жить.

Она сопротивлялась, как могла. Но вино в ресторане было с таким странным привкусом. Она выпила пару бокалов и уплыла в серую бездну. А когда очнулась, то обнаружила себя, привязанной к стулу в какой-то странной комнате, с белыми стенами, зонтом из фольги и прожекторами.

Он фотографировал каждый надрез на ее теле, каждое свое действие, каждый ее крик, равнодушно, бесстрастно, как машина. В его холодных глазах не блистала того теплого чувства, которое она, как ей казалось, увидела за столиком, в ресторане.

За что?..

Иногда ей было так больно, что она малодушно желала умереть. Но он уходил, оставляя ее страдать в тишине и темноте. А потом приходил снова, вырывая ее из спасительного забытья. Сколько времени длился этот кошмар, она уже не представляла. А потом он пришел, держа в руках молоток...

Прожектора вдруг снова вспыхнули. Она попыталась поднять голову, успев удивиться, что из ее крохотного тельца налилось столько крови, что она залила уже всю комнату. Хотелось кричать, но с губ не срывалось даже шепота. Она не могла даже простонать – уже не было сил. Но отголосками сознания она ощущала его шаги, как змея чувствует приближение врага по вибрации почвы. Здесь пол не дрожал, шаги мучителя были почти невесомыми, но она чувствовала их каждой клеточкой, каждым нервом, каждой каплей крови.

На белом полу была огромная красная лужа, отливающая адовой чернотой, бездной, откуда не было возврата. Шаги вдруг стали слышны. Это был плеск влаги, крови, которая впитывалась в светлое покрытие из кафеля, впитывалась да никак не могла впитаться, растекаясь по глянцевой поверхности.

Монстр поднял ее голову за волосы и приблизился вплотную. Темные омуты его глаз были холодны, как лед. В этих мутных водоворотах, поддернутых инеем, была ее судьба. Монстру натешился. Монстру надоела игрушка.

Собрав остатки сил, она дернула головой и вцепилась зубами в его холеную ладонь, которой еще недавно восхищалась. Вся боль и вся ненависть словно взорвалась в ней Этной, Везувием и еще каким-то вулканом, увиденным в кино... Глупым фильмом, в котором люди почему-то перед извержением упорно не хотели покидать курортный городок... Ее челюсти сомкнулись на ладони мучителя змеиным захватом. Она с наслаждением прокусила его кожу и почувствовала вкус крови.

Оказывается, кровь убийцы на вкус ничем не отличается от крови нормальных людей. Ее это даже удивило. Она бы засмеялась, да вот рот был занят.

Она не разжала челюстей, даже когда холодное лезвие вошло в ее живот и резко дернулось вверх, к сердцу. Для того, чтобы освободить свою руку, убийце пришлось изрядно потрудиться...

Восемь месяцев спустя

Гюрза

Все мужики – сволочи. Вот к такому выводу я пришла однажды, часа в два ночи, лежа в постели и пялясь в потолок. И ведь казалось бы, жизнь, изрядно помотавшая меня по вол-

нам любви, должна была уже чему-то научить, так нет же, с поразительным постоянством я находила себе людей, рядом с которыми нормальный человек на одном гектаре... Боже, какая непристойность... Хотя...

Пашка преспокойно посапывал рядом. Я с неудовольствием посмотрела на его округлую тушку. Вон как щеки разбросал! Еще и одеяло все на себя стянул, оставив мне жалкий уголок. И чего я только в нем нашла?

Впрочем, чего греха таить, достоинств у него было больше, чем у всех моих ухажеров вместе взятых. Во-первых, совершенно неконфликтный. За тот год, что мы встречались, а потом и жили вместе, мне не удалось ни разу раскрутить его на агрессию. Я раздражалась по пустякам, швыряла предметы, орала как припадочная, а он только хихикал. Я долго не могла поверить, что все его эмоции настолько глубоко запрятаны в нем, что вытащить их наружу – дело зряшное. Ну, а поскольку смириться с этим, я не могла, то периодически устраивала разного рода эксперименты. Эксперименты дошли в зародыше. Я распаялась, а потом, истратив всю энергию на битву с равнодушной стенкой, чувствовала себя опустошенной.

Во-вторых, Павел был щедр и добр. Деньги на меня он тратил охотно, впрочем, их у него было предостаточно, поскольку он был очень грамотным юристом и политиком по совместительству. Одна из радикальных политических партий назначила его главой представительства в нашей губернии. Соответственно, денег на раскрутку своего «броуновского движения», как я его называла, партия не жалела. Пашке перепадали отнюдь не крохи. Благодарные клиенты несли подарки в виде конфет и алкогольных напитков. И если бы мы употребляли все, что Пашке дарили, то точно спились бы или не влезли ни в один костюм. И платили клиенты охотно, более чем охотно, я бы сказала. Так что закатиться в ресторан, купить себе бусики или платице для меня было не проблемой, особенно если учесть, что я и сама неплохо зарабатывала.

В-третьих, Паша был совершенно неприхотлив. Ел, что подам, одевал, что поглажу и постираю (правда, сам ничего этого он делать не умел). Он даже не пытался возмутиться, что я опять подала на стол сосиски или пельмени, купленные в ближайшем супермаркете, так как времени на готовку катастрофически не хватало.

Было еще и в-четвертых, и в-пятых, и в-шестых... Да только недостатки у Пашки тоже имелись, причем мне, уже привыкшей к самостоятельности, приходилось скрежетать зубами, подстраиваясь под его фанаберию.

Пашка был жутким бабником и не пропускал ни одной юбки. Впрочем, действия у него были своеобразные. Он предпочитал занимать выжидательную позицию, без спешки наблюдая, как та или иная девушка бросалась на него из засады. Для дам он представлял лакомый кус, и каждая стремилась вцепиться в него всеми зубами и когтями. Пашка благосклонно соглашался на свидание, «снисходя», как я это называла то до одной, то до другой. Я к его чарам была до определенного момента равнодушна, но потом мы стали тесно общаться на профессиональной почве. В свете общения выяснилось, что на ряд вопросов мы смотрим одинаково, что, так сказать, подтолкнуло нас к более тесному общению, завершившемуся в постели.

Не могу сказать, что я на тот момент потеряла голову, но определенная доля симпатии имелась. Мы стали встречаться, причем, совершенно не афишируя наши отношения. Ко мне Павел приходил более чем регулярно, а потом предложил пожениться.

Будь я на тот момент помоложе, не имей уже опыта совместного проживания с мужчиной, я, наверняка бы согласилась. Однако Пашкино предложение на тот момент было ой как некстати. Я была зла, агрессивна и бросалась на все, что шевелится отнюдь не с добрыми чувствами. Пашке я отказала, о чем потом пару раз сожалела, поскольку именно с того момента в наших отношениях появилась первая трещина. Углубили трещину постоянные звонки Пашкиной мамочки, истеричной дамы с деспотичными замашками. После того, как я официально (в его представлении) стала считаться Пашкиной невестой, я была допущена в лоно семьи, где

царствующая императрица, смерив меня презрительным взглядом, заметила, что я ее кровинчке не пара. У меня было другое мнение, которое я не постеснялась высказать. Мамочка закатила скандал, однако Пашка, которого выбрыки мамыши уже допекли, выбрал меня и ко мне же съехал. С тех пор мы общались с так называемой свекровью сквозь зубы и исключительно по телефону.

Спустя пару недель мне донесли (не имея представления о наших отношениях) что у Паши новая любовница – стриптизерша из ночного клуба. Я ничуть не поверила, однако через пару дней убедилась, что это правда. Пассия Павла особого беспокойства у меня не вызвала, хотя в делах постельных наверняка была поискуснее меня. Однако в сердечко закрался могильный холодок. Я долго недоумевала, как можно было променять меня, умницу-красавицу-рукодельницу на это убогое создание с редкими паклевыми волосиками, носом, как у Буратино и глупыми ужимками? С девицей этой я как-то имела дело, долго потом плевалась, пытаюсь сделать из ее бреда стоящий материал о местечковом шоу-бизнесе. И Пашка, который всегда имел дело только с умницами, вдруг опустился до такого ничтожества? Впрочем, вон в кино Верещагин изо дня в день ел ложками черную икру и выл от тоски. Мужик – натура непонятная. Иногда ему и картошечки хочется с молочком.

Сравнив себя с черной икрой, а новую любовницу Пашки с картошечкой, я слегка воспрянула духом. Однако ненадолго. После картошечки появилась буженинка, вареники с творогом, клубничка со сливками, персики и прочие продукты питания быстрого употребления. Добила меня новость о том, что некая дама, которая была старше Павла лет на пять, пригласила его в круиз за свой счет. После этого я перестала классифицировать пассии Пашки по вкусовым категориям и называла их всех одинаково – задрыпанки.

Вот и сегодня днем, вернувшись с работы, голодная как войска федералов, брошенных на зачистку кишлаков, я решила быстренько перекусить. Пашка валялся на диване, с книжкой в руках, косясь на включенных телевизор. В нем гламурная девушка обучала страну правилам секса. Я фыркнула. На девице было красненькой платьице с тонкими бретельками, одетое прямо на босу грудь размера этак четвертого. Девица была остроумна, Пашке, во всяком случае, нравилась, поскольку книжку он держал под углом в сорок пять градусов, дабы та не загоразивала экран.

– Ты ел? – осведомилась я. Пашка поднял на меня хитрый взгляд.

– А?

– Бэ, вэ, гэ, дэ... Учите алфавит, Павел Васильевич! Есть, говорю, хочешь?

– Не, не хочу. Я тут перекусил слегка. А что у нас есть поесть?

– Ты меня спрашиваешь? – иронично осведомилась я. – Вообще-то, я на работе была, это ты сегодня балду бил. Или ты что-то приготовил?

Пашка отрицательно помотал головой. Глупый вопрос. И чего спросила? Пределом Пашкиных достижений в области кулинарии было запаривание кипятком быстрорастворимого супа или лапши, от которой в желудке ворочается тяжелый ком. Я, снимая на ходу кофточку, отправилась на кухню.

– Давай попрактикуемся в том, что тут предлагают? – предложил Пашка. Я покосилась на экран, где две блондинки в умеренном темпе совращали мускулистого атлета. Атлет выглядел довольным, и сопротивляться не торопился. Я метко швырнула в Пашку кофточкой и попала прямо в лоснящееся от удовольствия лицо.

– Вот когда ты будешь так же выглядеть, я так и быть допущу к твоей тушке вторую бабу, – хмыкнула я и ушла на кухню.

– Хорошего человека должно быть много, – крикнул Пашка мне вдогонку.

– Так то хорошего, – не осталась я в долгу, открывая холодильник. Мяско, которое я пожарила вчера вечером, бесследно испарилось. Я вытащила кастрюльку с супом, попутно удивившись ее легкости, и открыла крышку. Кастрюлька была практически пуста. На дне плавали

жиденькие островки вермишели и два крохотных кусочка картошки. Очаровательно! То есть Паша сожрал мясо, слопал суп, а кастрюльку, чтобы не мыть, поставил обратно в холодильник. А где чашка из-под мяса?

Чашка обнаружилась в мойке, естественно грязная, а в ней почему-то две вилки, два ножа и две ложки. Я почесала лоб, а потом открыла дверцу под мойкой. Там, из мусорного ведра торчало горлышко винной бутылки, шкурки от апельсинов и две одноразовые пластиковые тарелки. Очень любопытно...

Пашка появился на кухне. Я с интересом уставилась на жирное пятно на свежесмытой ему утром майке. Пашка застыдилась и попытался закрыть пятно рукой. Получилось неважно – пятно было объемным. Я ткнула пальцем в мусорное ведро.

– Чего это у нас одноразовая посуда валяется? Ты что, любовниц водил?

– Ну, так... немножко... только одну... – ответил Пашка, пятась.

– Ну что ж ты меня перед людьми-то позоришь? – возмутилась я. – Что, у нас в доме нормальных тарелок нет?

Пашка хрюкнул, а я тоскливо уставилась в холодильник. Не то, чтобы он был совсем пустым, просто очень хотелось горячего, а готовить было лень. Я открыла морозилку и с отвращением уставилась на ее содержимое. Что у нас на ужин будет? Пельмени? Или хинкали? Или манты? Пожалуй, хинкали... Я налила воды в кастрюльку, сунула Пашке пачку хинкалей и велела бросить их в воду, когда та закипит. Этот процесс Пашке с некоторым риском все-таки можно было доверить. Сама же отправилась в душ. Словам про любовницу я ничуть не поверила. Мало ли кто к нему мог придти.

Вода была чуть теплая, что, честно говоря, не радовало. Я итак промерзла до костей, возвращаясь домой. Отопление еще не дали, а масляный обогреватель прогреть всю квартиру был не в состоянии. Поэтому из душа я вылетела в рекордные сроки и немедленно замоталась в Пашкин халат. Мой куда-то исчез, я всерьез подозревала, что бросила его в стирку. Уголкем сознания я отметила, что вроде бы утром надевала его и вешала на крючок, но вполне вероятно, что могла ошибаться и отправить халат в стиральную машину. Я даже обернулась и поглядела, не упал ли он на пол, но и на кафеле халата не было. Пожав плечами, я подошла к зеркалу и потянулась за расческой.

Волосы я увидела сразу. Расческа была новой, а я брюнетка. Паша тоже брюнет, да и не носил волосы такой длины. Волосики, запутавшиеся в зубьях расчески, были светлыми и длинными. Так – так – так... Стиральную машину я открыла уже по наитию. В ней, прямо сверху, я обнаружила свой халат. Поднеся его к лицу, я уловила запах чужих духов, дешевых и пошлых, с приторным сладким запахом давленого винограда. Я такую пакость никогда не покупала, а когда мне вручали что-то подобное, передаривала сестре, любительнице выпендриться на халяву. Значит, про любовницу Паша все-таки не соврал...

Гадость какая!

Когда я прижала Пашку к стенке, ткнув пальцем в найденные тарелки, он сказал правду, будучи уверен, что я ему не поверю. Я и не поверила. И если бы не увидела на расческе волосы, то наверняка просто выстирала бы найденный халат, и даже не подумала его нюхать... Хотя обоняние у меня было, как у гончей. Может бы и учуяла... а он бы придумал новое оправдание.

Из ванной я вылетела так, что едва двери не снесла. Пашка посмотрел на меня с интересом. И если еще пару минут назад я думала, вести ли мне себя как мудрая женщина, то теперь от этих мыслей ничего не осталось. Расчетливо, осознанно, с тонким знанием дела я закатила кабацкий скандал.

Из скандала, как всегда ничего не вышло. Пашка реагировал так же, как реагирует на дождь ленивец – то есть вяло и аморфно. Я визжала, топала ногами и всерьез задумывалась над тем, чтобы запустить в Пашкину голову вазой. Вазы было жалко, и я остановилась, с трудом переводя дыхание.

– Все? – осведомился Пашка.

– Все, – тупо повторила я. И чего сорвалась? Теперь вот настроение ни к черту... Все-таки надо было сделать вид, что я мудрая женщина.

– И чего ты орала, позволь полюбопытствовать?

Я пожала плечами. Что тут еще скажешь...

– Между прочим, – почесав голову, сказал Пашка, – пару дней назад я вернулся домой и увидел как тут по дому прогуливается Никитка в одних трусах. Разве я орал?

Я фыркнула. Мы с Никитой возвращались с одной конференции, но по дороге он упал в грязь. Идти в таком виде домой он не мог, вот я и потащила его к себе, чтобы он переоделся. Проблема оказалась в том, что Никитка был размером на шесть меньше чем Павел, да и ростом пониже. Так что ни одна вещь ему не подошла. Мы выстирали джинсы, потом ждали, когда они высохнут. В этот момент как раз вернулся Пашка. Но мы то ничем предосудительным не занимались! И то, что Никитка был моим парнем несколько месяцев назад, еще ни о чем не говорит!

– Я не собираюсь сейчас выяснять с тобой отношения, – добавив металла в голос, сказала я.

– Ты считаешь, что еще мало сказала? – удивился Пашка. Я отодвинула его от плиты и начала вынимать хинкали из кастрюли. Помешать их он, разумеется, не догадался, поэтому они практически все прилипли к дну кастрюли. Получилась какая-то клейкая желейная масса. Вот так всегда! Кому-то мясо и секс, а кому-то длинный рабочий день и разваренные хинкали.

– Знаешь, я сегодня слишком устала, чтобы выяснять отношения. Ругаться лишний раз я тоже не буду. Давай отложим это на завтра? – предложила я, с отвращением глядя на жиденькую кашу. Ответ Пашки проследовал незамедлительно.

– А сегодня тогда чем займемся? – спросил он, стрельнув блудливым взглядом в сторону спальни. Вот, блин, маньяк сексуальный! Ему еще мало!

Ссора закончилась как обычно. В кровати Пашка не стал долго церемониться и быстро, как в той песне про «Уно моменто», сорвал с себя (и с меня) последние одежды. Я была не в настроении и на его поползновения реагировала вяло. Он быстро насытился и уснул, а я лежала и тарашилась в потолок, размышляя о том, что все мужики сволочи.

...И сия пучина поглотила их в один момент. В общем, все умерли...

Тьфу!

Я валялась довольно долго, а потом, не выдержав, соскочила с постели и отправилась в комнату, которую гордо именовала кабинетом. Вообще-то у меня по проекту двухкомнатная квартира с кладовкой, но прежние хозяева передвинули стенку, и из кладовки получилась спальня, темная, без окна, но какая разница? Для того чтобы спать, свет не требуется. Я в свою очередь убрала стенку из листов ДВП и заказала шкаф из гипсокартона от пола до потолка со сквозными нишами. Получилось премиленько. В спальне теперь был свежий воздух и не так темно. В кабинете стоял письменный стол, компьютер, а еще не поместившийся на кухне шкаф от кухонного гарнитура, который я использовала как тумбочку, сваливая туда разные нужные бумаги. Пашка тоже использовал этот шкаф тем же образом. А поскольку его бумаг было гораздо больше, чем моих, тумбочка уже практически не закрывалась. Мне это не мешало, а вот Пашке, педантичному и скрупулезному, все время приходилось сортировать бумаги, отделяя свои юридические от моих журналистских.

Я ткнула пальцем в кнопку пуска компьютера, а сама отправилась на кухню, дабы сварить себе кофе. На кого-то кофе действует взбадривающее, я же спокойно пью его на ночь и сплю без задних ног, а писать статьи без кофе я и вовсе не в состоянии. Правда сейчас я не собиралась творить. Мне требовалась эмоциональная разрядка, а для этого в данной ситуации мог подойти только чат.

На чаты я подседа где-то с четыре месяца назад, когда сменила работу. На работе, где я была выпускающим редактором довольно паршивой рекламной газетенки, в моем распоряжении был компьютер со связью в режиме он-лайн. Я по натуре девушка энергичная и успевала выполнять дневную норму за пару часов, а потом мне некуда было девать время. Я рыскала по сети, завела по паре анкет на сайтах знакомств, но это мне быстро надоело. А потом начала общаться с людьми.

Больше всего меня прельстил чат «Кому за тридцать» на одном из самых популярных российских серверов. Хотя мне до тридцатилетия было еще добрых пять лет, я остановила свой выбор именно в этом месте. Люди здесь были разными, чаще интересными и состоявшимися. Кто-то (чаще всего) так же как и я выходил в чат с рабочего места, некоторые из дома. Как правило, мои собеседники были людьми в этой жизни не последними, за редким исключением.

Четыре месяца назад мое присутствие вызвало некое недовольство. Я взяла себе ник «Гюрза» и ту же получила в ответ гневные высказывания, что, мол, в чате уже есть некая Наргис с таким ником, отличавшегося от моего только цветом. Мне предложили сменить псевдоним, я отказалась наотрез. Да и бывшая обладательница этого ника в чате не показывалась с момента моего там появления. Особенно усердствовала в моем линчевании некая Ирусик, главная чатовская хулиганка: хамка и матерщинница. Наргис была ее подругой, поэтому к появлению в чате клона прежней Гюрзы Ирусик вынести не могла. Однако ко мне она привыкла быстро, а теперь мы и вовсе дружили, перезванивались и встречались в реале. Ирка была женой сотрудника эстонского посольства. Муж пропадал на работе целыми днями, неплохо зарабатывал, а Ирка сидела дома и была баклуши. Сдружились мы с ней на почве мужиков. Отношение к ним у нас было одинаковым. Мы выбирали себе жертву и усердствовали в язвительных намеках и замечаниях. Жертвы либо отшучивались, либо начинали хамить. Некоторые, не выдержав нашего хамства, опускались до банальных оскорблений и мата, но тут вмешивались модераторы и давали хамам волшебный пендель, выгоняя из чата. Нас же считали своеобразными санитарями леса. Я с модераторами старалась дружить, подлизывалась к ним всяческими способами, обещая неземное блаженство и всякое прочее. Так что меня за нападки на чатлан не трогали, а вот Ирку, частенько не стеснявшуюся в выражениях тоже выгоняли прочь. Она потом возвращалась еще более злая и язвительная.

Кофе в джезве зашипел и перелился через край. Я чертыхнулась и схватила джезvu за ручку, переставив на другую конфорку. Теперь еще плиту придется отмывать! Я наскоро промокнула плиту мокрой губкой, зашвырнула губку в раковину и, перелив кофе в чашку, ушла в кабинет. Из кабинета я снова понеслась в кухню за сахаром и ложкой. Бросив в чашку пару кусков рафинада, я подключилась к Интернет и вошла в любимый чат.

Народу в чате было навалом, а вот со знакомыми – напряженка. Я выходила в сеть в рабочее время. Примерно в то же время чатились и все мои постоянные собеседники. Пару минут я глазела на список чатлан, находящихся в этот момент в сети. Особенно докопаться было не до кого. Я тяжело вздохнула и уставилась в монитор.

Преппирательства, которые царили сегодня, были на редкость скучными и вялыми. Чучундра как обычно пыталась совратить мужчин своими пышными формами. Мужики реагировали вяло. Пара совершенно незнакомых личностей загружали окружающих афоризмами и анекдотами. Я снова вздохнула и сделала мощный глоток из чашки, обжигая нёбо. Похоже, никакого удовольствия от общения сегодня я не получу, не стоит и пытаться. Надо выходить.

– Ты чего сегодня молчишь, – обратилась ко мне vil.

Я обрадовалась. Под ником vil скрывалась моя коллега Вильма, сотрудница успешного рекламного журнала, с которым мы пытались конкурировать. Получалось вшиво. Журнал Вильмы существовал уже десять лет, наша же газетенка всего год. Да и содержания там было так себе, хотя я старалась, как могла. Однако изменить содержание без согласия вышестоящего начальства я не могла, отчего бесилась и устраивала скандалы.

– Проблемы у меня, – ответила я в привате. Слава богу, видеть нашу переписку никто больше не мог, а обнародовать свою личную жизнь на обозрение посторонних людей я не хотела.

– Работа? – так же в привате поинтересовалась Вильма.

– Если бы. Личная жизнь.

Я вкратце рассказала историю, произошедшую несколько часов назад. От пересказа мне сделалось легче, хотя в желудке пускал корни мерзкий сгусток обиды и раздражения.

– Ты знаешь, кто она? – спросила Вильма.

– Нет, но подозреваю, что это его задрюпанка-стриптизерша.

– Он же вроде с ней порвал, – удивилась Вильма.

– Это он мне так сказал, – напечатала я и сделала еще один глоток кофе. – Ты дома что ли?

– Если бы. На работе сижу. Не знаю, когда уйду. Правки до фига и больше. Номер сдаем завтра, а ничего толком не готово.

Я сочувственно покивала головой, хотя Вильма не могла меня видеть. Как я ее понимала! Шеф тоже устраивал нам заморочки перед выходом газеты, причем еженедельно, заставляя переделывать уже сверстанный номер. Так что возвращалась я за полночь почти каждую неделю. Пока со мной работал Никитка, было легче. У него была машина, и он подвозил меня домой. Теперь Никитос ушел на вольные хлеба, а я осталась без верного сподвижника и средств передвижения.

– Чего делать-то будешь? – осведомилась Вильма.

– Выгоню на фиг, – ответила я.

– И что?

– И ничего. Выйду замуж за твоего старшего сына.

Вилма фыркнула. Во всяком случае, слово «фыркнула» было написано перед ее ответом.

– Ему ж всего девятнадцать! – предупредила она. Тему моего замужества мы обсуждали в чате практически ежедневно. Там я выходила замуж за всех подряд, остановившись, правда на одном муже – Бахусе, в миру носившему имя Валерий, пятидесятилетнему торговцу фруктами и овощами. Народ мое очередное виртуальное замужество невероятно развлекало. Я пообещала придти на свадьбу в фате, лифчике из змеиной кожи и красных кроссовках. Очевидно, многие из присутствующих тогда в чате сочли наряд эпатажным, поскольку за развитием наших отношений следили, и ревностно доносили и мне, и Валере об очередной нашей «измене». В последний раз я пригрозила, что выйду замуж за сына Вильмы.

– И что? – возмутилась я. – Взрослый мужик, страстный армянский мачо! И потом, я за кого угодно замуж выйду, чтобы получить такую свекровь, как ты. Видела бы ты мою... прости господи.... Ведьма!

– Учти, Карен не против, – уточнила Вильма. – Он как тебя увидел в театре, так слюну потом пускал три дня. Ты там, кстати, с Павлом была?

– А то с кем.

– Импозантный мужчина. Ты уверена, что хочешь его выгнать?

– Не совсем.

Я заглотнула остатки кофе и с сожалением посмотрела на пустую чашку. Можно было, конечно, сварить еще, да лень перевесила.

– Мы пару дней назад в кафешке сидели до часу ночи, так у меня голова гудела как колокол потом, – пожаловалась Вильма.

– Чего сидели?

– Так Катька приехала.

– Какая Катька?

– Лапа. Она тут у нас с каким-то мужиком познакомилась, вот и решила провести разведку боем.

– Где познакомилась?
– Да вроде как прямо в чате. Расписывала прямо как чудо какое-то. Умница-красавец, богат, независим, разведен.
– У нее все красавцы, – проворчала я. – Нету вкуса у девушки если, что тут поделывать?
– Не ворчи.
– Он с вами был?
– Нет, он придти не мог. Но она ему при нас звонила и просто таяла.
– Она то сама как? – любопытствовала я.
– В смысле? А, ты же ее не видела никогда.
– Только на фото. В последний раз она была феерической блондинкой.
– Она и сейчас блондинка, не менее феерическая. Погоди, мы фотографировались, сейчас я тебе на ящик фото скину.

Вильма сделала небольшую паузу, во время которой я вынырнула в общий чат и огляделась. Ничего сногшибательного не произошло. Народ общался вяло, видимо по причине позднего времени. Некая Соника развлекала народ анекдотами. Мне лично понравился один: «Ищу подопытного кролика /Опытный кролик/». Я улыбнулась: хоть что-то позабавило.

– Выслала, – гаркнула в привате Вильма, если сей вариант общения можно назвать гарканьем. Я открыла в новом окне свой почтовый ящик и подождала, пока загрузятся фотографии. В кафе, декорированном под незатейливый рыцарский замок за столиком восседали несколько человек. Кроме уже знакомых мне личностей вроде Вильмы, Ирки и Влада, модератора чата с ником «Сынок», в кадре была хорошенькая блондиночка лет тридцати. Зрелище действительно было фееричное. Блондиночка щеголяла топиком, из которого вываливалась грудь. На плече была видна татушка из блестящих страз. Влад рядом с Катей выглядел слегка очумевшим от ее прелестей. Ирка скалилась голливудской улыбкой, худенькая Вильма на фоне мордастого Влада вообще терялась.

– Нравится? – осведомилась Вильма.
– Сынка, однако, морду отожрал, – недовольно прокомментировала я.
– Можно подумать он когда-то был худым, – парировала Вильма. – Ты его когда видела в последний раз? Он, кстати, про тебя спрашивал.
– Еще летом, когда была влюблена и на все смотрела в радужном свете. Катька хорошо выглядит. Аляповато слегка, но в целом гармонично.
– А то. Может, мужик хороший окажется.
– Хороший окажется – отобъем, – предложила я. – А что за ник, ты не спрашивала? Может быть, мы его знаем?

– Не сказала она, – огорчилась Вильма. – Видать боится здоровой конкуренции в твоём лице.
– Или в твоём.
– Да куда мне, старому ползучему чемодану...
– Не прибедняйся. Народу скучно без твоих эстакад на красном «Феррари».

Вильма в чате периодически вздыхала и выдавала на гора такую фразу: «Ни одного олигарха на красном «Феррари». Совершенно некому отдаться!» Мужики, не привыкшие к подобным высказываниям, реагировали бурно и предлагали свои кандидатуры, кои мы тщательно отсеивали. Наш с Вильмой дуэт мы обозвали бандой «Красные стюардессы», памятуя о том, что со своей женой Роман Абрамович по слухам познакомился именно в самолете, где она была стюардессой. Нам же оставались лишь сладкие мечты да красные костюмы, которые мы с Вильмой не сговариваясь, сшили себе в утешение.

– Пошла я, – неожиданно сказала Вильма. – Пленки вывели, сейчас я их гляну и домой. А ты спать ложись и не терзай себя. Хочешь, завтра пообедаем? Катька должна придти, может,

расскажет про своего ненаглядного. Что-то она пропала совсем, ни звонков, ни писем. Небось из койки не вылезает! Так как? Встретимся завтра?

– Давай, – согласилась я. – Ирку выдерни из дома, а то ей все равно делать нечего.

Вильма послала мне символ улыбающейся рожицы и покинула чат. Я на минутку вышла в общую комнату, но интересных собеседников не увидела. Выключив компьютер, я мимоходом взглянула на часы.

– Ого, – произнесла я, увидев, что стрелки неумолимо приблизились к трем часам ночи. – Завтра на работу, между прочим, – вполголоса произнесла я, стараясь хотя бы перед собой выглядеть дисциплинированной. Я рухнула в койку, попутно сбросив с себя Пашкину руку, которую тот немедленно положил мне на талию. Пашка что-то недовольно буркнул, отвернулся к стенке и моментально засопел. Я ощутила тяжесть в глазах и провалилась в сон, уже заранее подозревая, что просплю. Так и получилось.

Утро получилось суматошным. Пашка, бывший по природе жаворонком, разбудил меня и отправился в ванную, рассчитывая, что я, как обычно, приготовлю завтрак. Я же перевернулась на другой бок и заснула. Пашка долго брился, потому что за ночь его щетина отрастала просто невероятно быстро. Потом он вышел из ванной и, увидев, что меня нет на кухне, недоуменно повел носом, надеясь, что обоняние его обманывает. Увы, запахов свежеевыпеченных круасанов не ощущалось. Пашка рванул в спальню, где и обнаружил меня на месте преступления – сладко спящую в обнимку с подушкой.

– Юлька! – гаркнул он молодецким голосом мне в ухо. Я соскочила с постели, вытаращив глаза и искренне недоумеваю, что происходит. Сонная одурь моментально слетела с меня, когда я посмотрела на часы.

– Боже мой! – заорала я и помчалась в ванную. По дороге я споткнулась о телефонный провод, который так никто и не удосужился прибить к плинтусу. Стараясь сохранить свое имущество в неприкосновенности, я неловко переступила и, разумеется, упала, поскользнувшись на скользком ламинате.

– Камикадзе, – ядовито прокомментировал Пашка. Я скрылась в ванной, одарив его на прощание недобрым взглядом. Взгляд оценили. Когда я вышла из ванной в относительном порядке, на столе меня ожидала чашка кофе. В воздухе витал какой-то подозрительный запах. Я посмотрела на плиту и тяжело вздохнула: конечно, он не углядел за джезвой и упустил кофе. Плита была залита коричнево-черной жижей. Мыть времени уже не было. Я быстро залила плиту жидком чистящим средством, и на ходу влила в себя чашку кофе.

– Я побежал, – произнес Пашка, деловито чмокнув меня в щеку. – Ждать не буду, мне сегодня некогда.

– Подожди, – попробовала я его остановить, но он, махнув мне на прощание рукой, упорхнул как бабочка. Я невольно задумалась над сравнением и решила, что на бабочку Пашка как-то не очень тянет в виду своей внушительной коллекции. Впрочем, есть же толстые бабочки? Винный бражник, к примеру.

На скамейке перед домом сидел Толик, мой сосед по лестничной площадке и, задрав голову, смотрел в хмурое небо, с которого моросила скользкая холодная пакость в виде дождя. Впрочем, слово «смотрел» к Толику не очень подходило. Толик был слеп с рождения, что, впрочем, не мешало ему радоваться жизни. Я всерьез думала, что Толик в меня влюблен. Летом он подкладывал мне под дверь цветы, которые собирал прямо за домом, вечерами часто ждал меня с работы, сидя на лавочке, а утром вот...

– Здравствуй, Юля, – улыбнулся он, поворачиваясь к скрипнувшей двери.

– Как ты узнал, что это я? Я ведь даже рта не раскрыла, – осведомилась я.

– По шагам. Когда ты по лестнице спускаешься, у тебя каблучки цокают как крылышки стрекозы – тихо и деликатно. И потом, ты одна тут носишься по лестнице, как угорелая. Вряд ли кто из наших бабок побежит по лестнице, да еще и в каблуках.

– Ладно, Толик, я на остановку, – прервала его я. – Проспала я сегодня.
– Еще бы, – хитро оскалился он. – После вчерашнего то...
– Подслушивал что ли? – грозно спросила я.
– Я не подслушивал, я слышал. Почувствуй разницу. Сперва ругались, потом помирились... да только тебе не спалось. Носилась по квартире из угла в угол.
– Не спится тебе по ночам, – фыркнула я. Толик пожал плечами.
– Я живу в ночи. Разницы для меня нет почти никакой, разве что в звуках и запахах. Ты считаешь мне сегодня?

– Не знаю, – засомневалась я. – Как время будет.
– Мать в ночную сегодня. Если опять будешь носиться по квартире без сна, приходи ко мне. Все лучше, чем чушью голову забивать.

– Я подумаю, пообещала я и понеслась к остановке, благо та была прямо за домом. Мне повезло, на автобус я успела и через двадцать минут уже выходила на своей остановке, прямо напротив редакции. На этом мое везение не кончилось. Шефа на работе еще не было. Я успела влететь в свой кабинет, поздороваться с присутствующими и рухнуть перед своим компьютером, когда явился мой непосредственный начальник, как обычно с двусмысленным оскалом, обнажающим кривые обломанные зубы. Шеф напоминал мне шакала Табаки из мультфильма про Маугли. Во всяком случае, он был такого же пегого цвета, так же подхалимски приседал перед учредителем и так же делал пакости исподтишка. На открытую конфронтацию со мной он не отваживался после жуткого скандала, который я ему закатила в ответ на неуместное замечание. Теперь он просто заглядывал ко мне в кабинет, редко удостоив вежливым приветствием. Я тоже принципиально не здоровалась первой, поскольку шефа не боялась, а на его доброе отношение мне было наплевать.

Шеф подошел к сидевшему за моей спиной дизайнеру Ромке и, скривившись, уставился в его монитор. Ромка тоже не удостоил шефа вниманием. Придаться к нему было проблематично. Когда на Ромку накатывала волна творчества, работал он так, что заказчики ахали. Я в такие моменты не скупилась на комплименты, от которых Ромка надувал грудь колесом и распускал хвост. Шеф сунул в рот сигарету и молча смотрел в монитор. Ромка не выдержал, закрыл файл и вышел из комнаты. Шеф последовал вслед за ним.

– Вот и поговорили, – фыркнула я. Сидевшая в углу Ленка, наш корректор, подняла голову от текста, который правила в тот момент.

– Чего он хотел то? – спросила она.

– Вселенской любви, – скривилась я.

– От кого?

– От тебя, видимо. Я ему уже отказала, а ты еще не охвачена его африканской страстью.

Ленка закатила глаза, демонстрируя, в какой восторг ее приведет плотное общение с шефом. Я скорбно кивнула.

– Ты обратила внимание, как от него воняет? – спросила Ленка. – Почему? Он же не в свинарнике живет.

– Он по жизни свинья, – резюмировала я. – Он как чукча, не моется принципиально, раз в год разбегается и колотится о стенку, чтобы грязь отвалилась. А чтобы не воняло, поливает себя мерзкой туалетной водой, что в сочетании с грязью пахнет и вовсе отвратительно. Барахло свое он, по-моему, тоже не стирает. Ты видишь, что он в одной и той же рубашке ходит на работу уже вторую неделю?

– Не обратила внимания. А ты, выходит, обратила? – ухмыльнулась Ленка. Я помахала в воздухе записной книжкой, в которую записывала все свои впечатления, касаемые редакции.

– Все его грешки запечатлены у меня на скрижалях.

Дверь открылась, и мы замолчали, впрочем, совершенно напрасно. В дверь вошла Анька, наша секретарша и по совместительству пассия Ромки. Она недовольно посмотрела на его пустое кресло.

– Где этот? – капризно произнесла она, топнув ногой.

– «Этот» вместе с «тем» курят на лестнице, – ответила я. Анька нервно дернула плечами и пошла прочь, но на пороге повернулась.

– Там менты чего-то прислали с пометкой «срочно», – сказала она. – Посмотришь?

– Посмотрю, – вздохнула я, – а толку? Пленки уже в типографии, из-за их информации я ничего менять не буду, разве что куда еще зашлю.

– Да мне по фигу, – флегматично пожалала плечами Анька. – Мое дело передать.

Она повернулась было на каблуках, но тут у нее в руке зазвонил телефон. Анька скривилась, подошла к нашему чайнику, заглянула внутрь и, тяжело вздохнув, потянулась за стоящему на полке фильтру для воды. Кувшин был наполовину полон, так что идти за водой не пришлось. Телефон трезвонил.

– Может, ответишь? – осведомилась я очень вежливо. Я вообще с утра весьма любезна с подчиненными. Самое главное, что они это ценят. Анька отрицательно помотала головой и сунула трубку мне. Вот так вот, проявишь слабость, тебе тут же сядут на шею! Я с осуждением покачала головой. Анька показала мне язык и принялась наливать воду в чайник. Ей, как и мне, хотелось кофе.

– Редакция, – выдохнула я в трубку.

– О, я как чувствовала, что ты трубку возьмешь, – донесся до меня обрадованный голос Вилмы. – Обедать пойдешь?

– Окстись! – возмутилась я. – Я только что пришла, какой обед! Я даже не завтракала еще.

– Да я и не говорю, чтобы ты подорвалась и полетела обедать. Мы же договаривались сегодня пообедать. Или ты забыла?

– Ничего я не забыла. Пойдем. Ирке звонила?

– Звонила, но она твердого обещания не дала. Возможно, будет, но не факт. Что-то она с утра невеселая и не очень вежливая. Видать муж на любимую мозоль наступил. Ты в чат еще не выходила?

– Нет, – ответила я и заглянула в стоящую на столе кружку. Кружка, естественно, была грязной. Вчера я поленилась ее вымыть, и на дне засохли остатки кофейной гущи. Анька собирала грязную посуду на поднос, я кивнула ей на свою кружку. – А что, там что-то интересное с утра? Народ то еще не проснулся. Никакого общения толком не будет.

– Да я просто так спросила. Я тоже еще не выходила. Ладно, мне тут работу принесли. Давай, держи хвост пистолетом.

– Я вроде и не нервничаю, – возразила я.

– А то я по голосу не слышу. Все, в час в пиццерии, как обычно.

Вилма отключилась. Я тяжело вздохнула и поглядела на себя в зеркало. Утром я даже накраситься толком не успела. Пока особой работы у меня не было. Вчера мы сдали в печать основные полосы, сегодня нам предстояло только сделать программу телепередач и кое-какие рекламные модули. Но тут моего вмешательства не требовало. Теоретически, у меня был свободный день. Обычно я использовала его для написания материалов, но сегодня очень не хотелось выходить на улицу, в эту гадкую погоду. И потом, все равно на работе моих трудовых порывов никто не оценит. Да и в голове хоть бы мыслишка!

Я успела накрасить один глаз, когда телефон начал снова трезвонить. Аньки не было. Видимо, в туалете была очередь. Наша редакция находится на четвертом этаже административного здания, населенного самыми разными организациями и конторами. Туалет же на этаж один, маленький и грязный. Иногда в него страшно войти без прививки от бешенства. Правда, наш учредитель обещал нам, что скоро нас переведут в специально стоящийся для редакции

особняк, но я сильно подозревала, что вряд ли дождусь этого. Шеф действовал на нервы не хуже монотонно долбящего сук дятла. Кстати, именно из-за его бесконечных придинок в нашей редакции была жуткая текучка кадров. Последним уволился Никитка, подрабатывающий у нас. Ушел он с жутким скандалом, порываясь набить начальнику морду. Шеф трусливо жался к дверям, а потом демонстративно пил валерьянку и бегал к начальству жаловаться на нашу безалаберность. Впрочем, своими жалобами он так достал учредителя, что тот на него уже толком не реагировал. Телефон продолжал звонить. Я сняла трубку.

– Юлька, здорово! Чем занята? – послышался в трубку бодрый басок.

– Тебя вспоминала, – улыбнулась я. – Здорово, Никитосина!

В трубку хмыкнули и захихикали.

– Надеюсь, не последними словами?

– Предпоследними. Чего хочешь?

– Ты сегодня на тусняк идешь?

– Куда? – насторожилась я. Насчет мероприятий мне ничего не было известно.

– В театр. Там будут чествовать победителей конкурса. Ну и артисты всякие разные выступать будут. Или тебе есть чем полюсу закрыть?

– погоди, – потрясла я головой, – конкурс то чего?

– Вот балда! Итоги конкурса среди художников и прочих на новый герб города. Вас не звали что ли?

– Не знаю, – покачала я головой, хотя Никита видеть меня не мог. – Анька вполне могла что-нибудь мне не передать. Я опоздала сегодня.

– Как всегда, – апатично констатировал Никита. – Так ты пойдешь?

– Пойду. А ты за мной заедешь?

– Ясен пень! Тусняк в три. Так что я за тобой в половине третьего зарулю. Надеюсь, ты прилично выглядишь? Там губернатор будет.

– Я как чувствовала и надела свое лучшее кружевное белье, – парировала я с эротическим придыханием в голосе. В трубке раздалось хрюканье и короткие гудки.

– Вот балбес, – усмехнулась я и принялась красить второй глаз. За этим занятием меня застали вернувшиеся Анька и Ромка. Анька выдала мне мою вымытую до блеска кружку. Ромка уселся на свое место и уставился в монитор.

– Ром, включи музыку, – попросила Ленка из своего угла. Ромка буркнул что-то нечленораздельное, но через пару секунд из динамиков зазвучало что-то вполне оптимистичное.

– Тебя, кстати, сегодня приглашали в театр к трем часам, – спохватилась Анька.

– Спасибо, я уже знаю, – ответила я и повернулась к ней. – Ну, как?

– Кр-рр-р-расота! – оценила Анька мою раскраску. – Чайник вскипел?

– Что-то я не помню, включила я его или нет. Пошупай.

Чайник оказался горячим. Очевидно, я автоматически нажала на кнопку, когда беседовала с Вилмой или Никитой. Мы выпили по кружечке кофе, ведя беспредметный разговор. Анька сидела на коленях у Ромки, потому как единственный свободный стул был давно сломан и использовался нами как ловушка. Мы развлекались, заманивая на него посторонних личностей, которые были нам не очень симпатичны. Стул почти всегда ожидания оправдывал и разваливался под садившимся.

Ромка своим положением был доволен и тискал Аньку со всех сторон. Анька и вовсе таяла и хихикала, притворно ударяя его по рукам.

– Чисто голуби, – хмыкнула я и отвернулась в сторону своего монитора. Надо было все-таки глянуть, что там прислали из пресс-службы управления внутренних дел. Работать с милицией мне никогда не нравилось. Их пресс-службы работали из рук вон плохо, высылая материал только после длительных просьб и напоминаний. Казалось, что они все делают нарочно. Но я то знала, что у них на рассылке сидит молодой человек, не имеющий представления о том,

что всех адресатов можно вбить в одну строку и одновременно разослать информацию всем заинтересованным лицам. И потом, что бы сегодня ни прислали менты, ставить информацию в номер я уже не стала бы. Для этого пришлось бы отзывать заказ из типографии или втыкать материал среди рекламных модулей, что никто бы мне не позволил. Я подвела курсор к письму из пресс-службы и щелкнула мышкой.

К письму были прикреплены два файла. Фотография и текстовый документ, в котором содержалась интересующая всех информация. Я открыла вначале его. Информация была пустяковой. Два дня назад был найден обезображенный труп неизвестной женщины. Никаких документов на теле убитой найдено не было. Милиция просит всех, кому известна личность убитой... и так далее и тому подобное... Я зевнула. Наверняка опять нашли бомжиху. Их и в живом виде опознать можно разве что по анализу ДНК, а в виде трупа там и вовсе – бесформенное нечто. Приходилось мне как-то путешествовать вместе с патрулем милиции в течение ночи, когда я писала обзорный материал. Самым запоминающим оказался подвал, кишачий крысами. И хотя я не боюсь этих милых зверьков, меня просто чуть не вывернуло наизнанку, когда я увидела их пиршество. А когда вспугнутая серая масса спряталась по щелям, я улицезрела то, что было их ужином. Серые твари пожирали труп бомжа.

После этого рейда менты меня жутко зауважали, потому как я не только удержала в себе недавно съеденный ужин, но даже на деревянных ногах смогла подойти и осмотреть тело. Впрочем, прикасаться к нему я не могла себя заставить, а менты и не настаивали. Я тупо смотрела на вспухшее багрово-черное месиво, которое еще недавно было лицом. После этого рейда меня на подобные мероприятия невозможно было калачами заманить.

Я подвела курсор к фотографии и дважды щелкнула мышью. Курсор превратился в песочные часы, а затем на мониторе показалось лицо трупа. Ему постарались придать человеческий вид, но зрелище все равно было жутким... Жутким и каким-то знакомым...

«Ка-а-апли абсента-а-а!» – рявкнул из колонок певец Иракий. Я уронила чашку на стол, вылив на него все содержимое. Спасая клавиатуру и кучу разложенных на столе нужных и не нужных бумажек, я суетливо заметалась. Анька с горестным воплем кинулась мне на помощь, схватив салфетку. Мы быстро промокнули разлитый кофе. Ромка глупо хихикал за своим столом, очень довольный тем, что на него не попало ни капли. Анька, вытиравшая стол, бросила взгляд в монитор.

– Мама дорогая! – взвизгнула она. – Что это за ужас?

– Труп, – ответила я. – Менты для публикации прислали, вдруг, кто опознает...

– Убери эту гадость! – потребовала Анька и щелкнула мышью, но от нервов она промахнулась и нажала куда-то не туда. Через секунду фотография заполонила собой весь монитор.

– Блин! – заорала Анька и потянулась к мыши.

– Стой, – завопила я, уставившись в монитор. Анька с перепугу выронила мышшь.

– Что?!! – вытаращила она глаза. Ромка тоже привстал с кресла и подошел к нам. Я молчала, уставившись на часть плеча мертвой блондиночки, смотревшей на меня с монитора стеклянным взором. На плече виднелся фрагмент тату из блестящих страз – ультрамодной новинки этого сезона.

Боже мой... Катя?!!

Мастер

Я с большим неудовольствием посмотрел на открытое окно и поежился. Можно, конечно было оторвать зад от стула и прикрыть створку, но уж больно не хотелось этого делать. Вот уже полтора часа меня никто не беспокоил, что было вполне объяснимо. Я приехал в головной офис совершенно неожиданно и застал своих сотрудников в состоянии полуморфного разложения. Димочка, мой помощник, резался на компьютере в какую-то безумную стрелялку

и прихода босса даже не заметил. Дашенька, мой личный секретарь, бывшая мисс «чего-то там» вяло делала маникюр, не реагируя на томившегося в приемной посетителя. Что творится в торговом зале, я пока не проверял, но всерьез подозревал, что и там полный разгром и анархия. Дверь в приемную была приоткрыта. Из соседней двери, где располагалась бухгалтерия, доносились приглушенный женский смех и вкусный запах чего-то съедобного. Тогда я даже почувствовал, как желудок свело спазмом. Позавтракать с утра мне не пришлось ввиду объективных и субъективных обстоятельств.

Отпуск, который я сам себе устроил, полетел псу под хвост, вместе с тщательно создаваемым уже несколько недель настроением. Именно поэтому сегодня я прилетел на работу ни свет, ни заря, рассчитывая хотя бы тут оторваться по полной программе.

Я невежливо кашлянул. Дашка, не отрывая взгляда от ногтей (на маникюр она никогда не тратила менее часа) подняла брови и мотнула подбородком совершенно по-лошадиному. Видимо, это движение следовало расценивать вроде как: «Чего приперся? Видишь, люди делом заняты?». На меня подобные выбрыки действовали слабо, посему я еще раз кашлянул. Посетитель, увидевший, наконец, меня, воспрянул духом и принялся подниматься со стула. В этот момент и Дарья, тяжело вздохнув и критически осмотрев свои ногти, подняла на меня свои прекрасные глаза.

– Доброе утро, – произнес я без всякого намека на любезность и довольно громко. В бухгалтерии мгновенно стихли голоса, и только кто-то, не успевший вовремя сдержаться (видимо, хохотушка Ниночка) нервно воскликнул «Ой!»

Дашка уронила на стол пилочку для ногтей и вытаращила глаза. Я поднял вверх одну бровь и стал ждать, когда же мое присутствие будет должным образом воспринято. Дашка подскочила на стуле и вытянулась по стойке «смирно», хотя я ее об этом не просил. Откатившееся кресло грохнуло о стенку. Из бухгалтерии показалась чья-то голова, но тут же скрылась с громким шепотом «Шеф!»

– Ва-ва..., – проямлила Дарья, мотнув гривой золотистых кудряшек. Я поощрительно кивнул.

– Ва-валерий Яковлевич! – наконец выговорила она.

– Во плоти, – согласился я и даже повернулся на каблуках, дабы Дарья смогла осмотреть меня со всех сторон.

– А м-мы вас и не ждали сегодня, – жалобно пролепетала Дашка. Смотреть на нее было жалко. Но я не поддался на ее испуганный вид и добавил суровости в голос.

– Нисколько не сомневаюсь. Почему человек в приемной сидит без внимания? Здравствуйте, – обратился я к посетителю, – Вы по какому вопросу?

– Я? – удивился посетитель.

– Вы, вы, – ответил я вежливо, но сурово. – Слушаю вас.

– Я жду Валерия Беликова, – не менее испуганно ответил посетитель. Дашка закатила глаза и рухнула в кресло. Я строго посмотрел на нее.

– Чем могу помочь? – осведомился я. Дашка что-то пискнула, но я не обратил внимания. Человечек приободрился, поднял со стула тощий портфельчик и сделал шаг вперед, протягивая мне руку.

– Крестников Владимир, очень рад знакомству. У меня к вам дело.

– Прошу в кабинет, – произнес я и распахнул перед посетителем двери своего кабинета. – Дарья, мне кофе, коньяк, Димку с отчетом через пятнадцать минут и сообрази что-нибудь пожевать.

– Валерий Яковлевич, – зашептала Дашка, косясь на посетителя, но я лишь сурово сдвинул брови, и Дашку вымело за дверь. Через секунду из коридора донесся грохот. Я выглянул наружу и увидел, что Дашка поднимается с пола. «Вот что делает с людьми излишнее рвение», – подумал я и вернулся в кабинет.

Посетитель мне не понравился. Дашка недаром пыталась мне сигнализировать, но в наказание я ее доводам не внял и теперь мучился сам, пока Дашка, припадавшая на одну ногу, сервировала стол с легкой гримасой на лице, говорившей, как она не одобряет моего поведения. Посетитель был обычным попрошайкой, что, в принципе было вполне понятно. Покопавшись в памяти, я вспомнил, что это один из многочисленных художников-неудачников, да еще и малюющий свои нетленные шедевры в жанре сюрреализма.

– Понимаете, мы с Верой решили устроить свою выставку, – нудно произнес Крестников. – Картины уже готовы к показу, останавливает финансовая сторона...

Он умильно смотрел на меня своими выцветшими от обильного пьянства глазами, а я делал вид, что внимаю, уставившись в компьютер. Теперь я его вспомнил и понимал, почему он пришел именно ко мне. Когда-то, пару лет назад я сдуру дал денег на выставку этого художника и его сожительницы – Веры Гавриловой. Гаврилова была одной из самых скандальных журналисток нашего региона, а потом ее посетила другая муза и Веранда (как ее неласково дразнили в светских кругах) начала малевать картины. Как спонсор сего мероприятия, я удостоился торжественного приглашения на вернисаж, откуда слинял, отплевываясь. Выставку Веранда посвятила себе, запечатлев себя на многочисленных полотнах, если так можно было назвать фотографии, обработанные в графической программе. Зрелище выглядело диковато. От полноты ощущения я слегка ошалел, и когда Вера решила предоставить слово мне, я, разгоряченный выпитым коньячком, сказал первое, что пришло на ум, то есть правду, посоветовав Вере вернуться к журналистике и больше не лезть в высокое искусство. Этого она мне не простила и даже написала пасквиль на меня, раскопав какую-то старую историю моего прошлого. История мне никоим образом не повредила. Однако, человеческая наглость меня поразила. После того ушата дерьма, что попыталась на меня вылить Гаврилова, они еще осмеливаются просить у меня деньги...

Впрочем, в визите Крестникова были и свои положительные стороны. Он напомнил мне о более приятной стороне этого мероприятия. Именно там я впервые увидел ее.

Я всегда тяготел к брюнеткам. А эта девушка сразу приковала мое внимание на выставке, куда, как и я пришла скорее по необходимости. В ней было что-то восточное, разрез глаз, смуглая кожа и точеная грация линий фигуры. Я сразу понял, что она из журналистской братии, коих я, честно говоря, в последнее время недолюбливал. Вывод можно было сделать из простых наблюдений. Она таскалась по залу, записывая названия картин в блокнот, отводила за локоток в сторону то Веру, то Крестникова, панибратски общалась с операторами и репортерами телевидения. А еще она то и дело тыкала ручкой в некоторые картины и бегающий за ней молоденький журналист Никитка Шмелев, с коим я уже познакомился на одной из совместных чатовских пьянок в ресторане «Ёрш», фотографировал нетленки.

Второй раз я увидел ее в областной администрации, где наш владыка, похлопывая рукой по столу, тонко намекал предпринимателям, что в связи с предстоящим празднованием Дня города необходимо организовать досуг празднующего населения областного центра. Я от себя лично мог обеспечить только книжную ярмарку по сниженным ценам, да и то не очень охотно. Праздник праздником, но пускать на ветер свои кровные денежки в угоду властям совсем не хотелось. Девушка на приеме присутствовала, сидела скромно в уголке и чего-то черкала в блокноте. Лично я смотрел на нее с удовольствием, посему, когда губернатор обратился ко мне, мое внимание было несколько рассеянным, а после собрания девушка бесследно испарилась. Я даже хотел попросить Никиту познакомить нас, но тот жутко спешил и, ограничившись легким кивком, потерялся в коридорах власти.

А потом она начала свое восхождение именно там, где тратили свое время те, кому девать его было некуда, при условии, что они были подключены к сети. Я в чатах сидел давно, успел перезнакомиться с кучей народа. Меня это невероятно развлекало.

Я не сразу обратил на нее внимание, поскольку она все это время отчаянно флиртowała с другим Валерием – модератором чата Бахусом и даже виртуально вышла за него замуж. История наших отношений началась из-за другой дамы, появившейся в чате почти одновременно с нашей красавицей. Дама звала себя Вивианой, а меня сразу назначила в свои рыцари, хотя я совершенно на это не претендовал.

Любовные отношения Бахуса и Гюрзы развивались по известному сценарию. Они страстно кидались друг другу в объятия, стоило им оказаться в чате одновременно. Иногда их общение накаляло чат настолько, что люди забывали следить за собственной темой разговора, наблюдая, как «молодожены» в красках описывают свою «первую брачную ночь».

Разлад в любовную идиллию попыталась внести Вивиана. Очевидно, ей не очень нравилось, что Гюрза захватила умы и сердца населения чата. Решив отвоевать себе потерянные позиции, Вивиана возжелала опутать своими чарами Бахуса, а также еще полтора десятка мужиков, кои были без ума от красавицы Гюрзы. Гюрза свой имидж поддерживала, рассылая всем желающим фотографии мелким оптом, отчего народ дурел и жаждал свидания. Вивиана же ограничивалась общением, причем делала она это грубо, топорно и без всякого намека на иронию. Девица была явно обделена мозгами и злилась, что народ упорно предпочитал ей Гюрзу. Попытки подружиться с соперницей тоже особого успеха не приносили. Поначалу Гюрза общалась с ней вполне охотно, а потом обозлилась и принялась язвить, что удавалось прекрасно. Дабы добить соперницу, Гюрза принялась охмурять единственного мужика, который был более-менее лоялен к Вивиане. Этим мужиком был я. Когда дама с ником пресмыкающегося выслала мне свое фото, я оторопел. На меня смотрела та самая восточная красавица, которая так мне глянулась на всех этих светских раутах.

– Потребуется не очень значительная сумма, – забубнил кто-то мне под руку. Я спохватился и с неудовольствием посмотрел на сгорбившегося на стуле Крестникова, про которого уже успел забыть. Я глубоко задумался, как бы покорректнее отказать этому мазурику, а потом неожиданно разозлился.

– У меня нет лишних денег, – прервал я нудные речи Крестникова. – У нас конец квартала, мы скоро отчет сдаем. Да и не в восторге я оказался от вашей прошлой выставки. И потом, господин Крестников, не ваша ли спутница жизни написала обо мне ту мерзкую статейку?

Крестников опустил голову так низко, что казалось, сейчас он обхватит ее коленями.

– У меня есть встречное предложение, – весело сказал я. Крестников дернулся и посмотрел на меня с надеждой. – Мы тут открываем отдел детской книги. Вы могли бы заработать, расписав зал, который мы построили. Ну, знаете, там всякими Чебурашками, Леопольдами и Гарри Поттерами. Малышам это понравится. Вы же художник какой-никакой...

В глазах у Крестникова загорелся злой огонек.

– Как вы смеете? – презрительно воскликнул он. – Вы воображаете, что предлагаете мне? Мне!!! Художнику с мировым именем!!! Да мое имя числится в Энциклопедии художников России! Меня знают миллионы людей! А вы предлагаете мне расписать зал? Чебурашками? Какая наглость!!! Да кто вы такой вообще?

Я пожал плечами. На звуки возвышающегося голоса в кабинет заглянула Дашка с двумя вопросительными знаками во взоре. Она показала указательным пальцем на телефонную трубку, а большим дважды ткнула в сторону двора, намекая, что неплохо бы вызвать охрану. Я отрицательно помотал головой и повернулся к Крестникову.

– Я – человек, у которого есть деньги, – холодно ответил я, глядя художнику в глаза. – Может быть, и не со столь значимым именем. А вы человек, у которого денег нет. Почему я должен их вам давать? За какие заслуги? За ваше, так сказать, имя? Поверьте мне, вы не Да Винчи, не Рафаэль и не Айвазовский. Вы предлагаете мне выбросить кучу денег на ваши картинки, которыми только детей непослушных пугать и чувствовать себя благородным? Да с

какой стати? Что я получу взамен? Очередную статейку в газете, которую тиснет ваша подруга? Благодарю покорно, мне в прошлый раз хватило.

Крестников поднялся с места с совершенно перекошенным от злости лицом. Его руки нервно дергались.

– На вашем месте, я бы был поосторожнее в высказываниях, – ядовито произнес он. – Вы хотите войны? Вы ее получите!

Я рассмеялся. Пафоса в голосе было много, а вот напустить на меня ужас у бедняги так и не получилось.

– Я умираю от страха, – фыркнул я. – Да что вы мне сделаете? Статью ваша Вера напишет обо мне? Пусть старается. Я рядом с этой статьей закажу рекламу в два раза больше. Хотя, я могу проще поступить. Вот прикажу бухгалтеру во все газеты области рекламу дать, и что тогда ваша Вера сделает? Кто рискнет со мной связаться? Я же могу денежки не заплатить. Пойдет редактор на это? Вряд ли. А разоблачения госпожи Гавриловой гроша ломаного не стоят. Хочет копаться в моем прошлом, пусть копается. А уж если не найдет ничего путного да домыслами разбавит свой шедевр, я ее еще и за клевету привлеку.

– Вы что, мне угрожаете? – по-бабьи взвизгнул Крестников. Я вздохнул со всей жалостью, на какую был способен.

– Да Господь с вами. Нужны вы мне больно, угрожать вам.

Крестников шагнул было к двери, потом ко мне, потом снова к двери. Я с любопытством наблюдал за его передвижениями.

– Вы еще пожалеете, – прошипел он и пулей вылетел в коридор, едва не сбив с ног входившего в приемную Димку с кучей бумаг. Спустя мгновение из коридора послышался грохот и проклятия. Я подбежал к дверям и высунул голову наружу, оттолкнув в сторону Димку и Дашку.

Крестников валялся на полу, засыпанный бумагами, выпавшими из его портфеля и изрыгал проклятия. Я рассмеялся и повернулся к Дарье.

– Почему на этом месте все падают?

– Там ковролин задрался, приколотить некому, – затрещала она. – И лампочка как раз перегорела, окно далеко, ничего не видно...

– А если бы я, как и планировал, через неделю только вернулся, вы бы тут все поубивались? – ласково произнес я. Дашка поежилась. Она знала, что таким тоном я говорю в минуты гнева (хотя я как раз ничего подобного не чувствовал). – Что, без царя-батюшки некому лампочку ввернуть и ковролин к полу прибить? Может показать вам, как это делается?

Последние слова я произнес с возрастающей экспрессией. Дашку выдуло из кабинета. Я прислушался, однако грохота не последовало. Видимо, опасный участок она благополучно миновала. Димка замер у дверного косяка, прикинувшись ветошью.

– Заходи, – буркнул я ему и вошел в кабинет. Димка последовал за мной, двигаясь, как слегка подвыпившая балерина. Кажется, он и дышать боялся, не говоря уже о том, чтобы промолвить что-нибудь членораздельное.

– Давай отчет, – не глядя на него, произнес я, бросая на стол сигареты. – И окно открой.

Димка выполнил все в точности и строгой последовательности. Сам он скромненько пригнулся к краешке стула, готовый к трудовым подвигам. Мне было смешно, но я изо всех сил делал каменное лицо, стискивая зубы так, что самому было больно и неприятно.

Оказалось, что за время моего отсутствия Димка справлялся неплохо, и придраться к его работе было проблематично. Я хмыкал, просматривая бумаги, но найти предлога для разборки не смог. Димка преданно смотрел мне в глаза, чем напомнил старого пса, который жил у моих родителей, когда я еще пешком под стол ходил. Пес всегда шустро бегал за людьми в доме, стараясь не оставаться в комнате в одиночестве. Найдя себе подходящую на его взгляд компанию, пес укладывался рядом и клал тяжелую лобастую голову на ноги мне или родителям.

– Ну что же, – швырнув отчет Димке, произнес я. – Умеешь работать, когда захочешь.

Димка немедленно расцвел в самодовольной улыбке, только что хвостом не вилял. Сходство с псом стало поразительным. Я решил слегка поумерить его пыл и разбавил комплимент водой.

– Жалко, что с тобой это так редко бывает...

Димка усох, втянул голову в плечи и после моего недвусмысленного жеста, покинул помещение. Я развалился в кресле и закурил. Работать не хотелось совершенно. Свой законный отпуск я еще не отгулял, хотя мне, в принципе никто не мешал это сделать. Впрочем, вру... помешали. Одна особа, которая вдруг возомнила, что ей позволено слишком многое... Говорила мне мамочка, не связывайся с блондинками! Мало того, что тупы, так еще и претенциозны. Надеюсь, что там, где сия особа находится теперь, ей есть кому высказать свои претензии.

Я закинул ноги на стол, как в голливудском вестерне, но потом подумал, что если кто войдет и увидит меня в столь неприглядной позе, может подумать, что у меня не все дома. Я сел поудобнее и целых пять минут развлекался тем, что пускал в потолок дымные кольца. Занятие это меня не увлекло. Можно было походить по конторе, заглянуть в собственный магазин, но мне как-то не хотелось шевелиться. Я с сомнением посмотрел на компьютер, а потом не выдержал и вошел в чат. Вдруг, да и развею свою грусть-печаль?

Появился я там вовремя. Гюрза лаялась с Вивианой. Беседа, очевидно, велась уже довольно давно. Со всех сторон виделись разноцветные возгласы поддержки. Вивиана проигрывала в этом споре, но позиций упорно не хотела сдавать. Гюрза перла буром, безжалостно разбивая туповатые словосочетания Вивианы, парируя ее контратаки с достойным восхищения изяществом. Наконец, Вивиана не выдержала.

– Откуда в такой махонькой девке столько яда? – осведомилась она.

– Мне по должности положено, – огрызнулась Гюрза. – Причем мне за это иногда даже платят.

– Видимо, платят мало, – хихикнула Вивиана. – Раз ты на мужиков бросаешься, как цепная собака.

– Я на них не бросаюсь, а коллекционирую, – возразила Гюрза. – А бросаются они на меня.

– Ой, да было бы на что бросаться! Небось, ты всем рассылаешь фото своей секретарши, а сама ты – уродина.

Гюрза фыркнула.

– Мою личность могут подтвердить пара десятков очевидцев, видевших меня во плоти.

– Да-да, – вмешался в разговор до этого молчавший Сероглазый, – я Юльку видел и даже обнимал. Ощупывал, так сказать перси.

Гюрза тряхнула персями.

– А вот вас, мисс, никто до сей поры не видел, – ядовито прокомментировала она, – и перси не шупал. Так что вопрос о том, кто из нас мисс Вселенная считаю закрытым.

– Ой, ой! – возмутилась Вивиана. – Между прочим, мой шеф решил, что следующую обложку будет украшать мое фото.

– Ну да, конечно, – хихикнула Гюрза. – Журнал не «Коневодство» часом называется? Я могу о вашем трагическом ржании написать туда пару заметок.

На несчастную Вивиану со всех сторон посыпался хохот, выражаемый в рисовании огромного количества закрывающейся скобочки. Однако, она не сдалась.

– Ой, кто бы говорил! Сама то работает во вшивой газетке. А я вот как сфотографируюсь для обложки со своей грудью четвертого размера, всех мужиков у тебя отобью.

– Я тебе сама что-нибудь отобью... ледорубом, – пригрозила Гюрза.

– Грудь четвертого размера – это уже вымя, – критически заметил Бахус. – Грудь должна умещаться в ладони.

В комнате было холодно. В открытое Димкой окно немилосердно дуло. Я поежился и всерьез задумался над тем, чтобы все-таки побороть лень и прогуляться до подоконника. Тем более, тем стояла кофеварка. В этот момент в дверь постучали. Я кашлянул. Створка приоткрылась и в кабинет протиснулась фигурка Дашки.

– Валерий Яковлевич, вас Яна Олеговна просит к телефону.

– Соединяй, – милостиво кивнул я. – Погоди. Иди кофе мне приготовь и окно закрой, а то сдохну тут. Ковролин прибили?

– Еще нет, – испуганно произнесла Дашка. – Завхоз за лампочкой уехал, приедет и прибьет.

– Как дети малые, – беззлобно махнул я рукой. – Соедини с Яной.

Говорить с Яной мне не хотелось, но особого выбора не было. Небось, опять будет учить меня правильной жизни, а если ей уже донесли, что с курорта с моей актуальной пассией мы вернулись порознь, то и вовсе одолеет насмешками. Впрочем, о моей личной жизни Яна была осведомлена не хуже чем Штирлиц о планах Мюллера.

– Привет, дорогой, – послышалось в трубке ее насмешливое контральто. – Как отпуск?

– Изумительно, – буркнул я. – Чем обязан столь неожиданному вниманию.

Яна хмыкнула.

– Время тебя не учит. Даже наоборот. Ты становишься хамом, батенька.

– А ты становишься излишне любопытной. Говори, что хотела.

– То есть, ты не веришь, что бывшая супруга может просто так позвонить бывшему мужу и поинтересоваться, как у того идут дела? – осведомилась Яна, но в ее голосе все еще была слышна издевка.

– От тебя дождешься, – парировал я. – Хотя, ты права. Ты можешь поинтересоваться, хотя бы для того, чтобы урвать свой кусок.

– Какая пошлость, говорить с дамой о деньгах, – фыркнула Яна. В голосе ее было бесконечное презрение. – Я по другому поводу звоню. Я, знаешь ли, тоже хотела бы погреться на солнышке. Осень никогда не была моим любимым временем года, особенно такая, как сейчас.

– Тебе путевку купить? – осведомился я ядовито. – Поезжай в Египет, там всегда жарко. Правда, твои меха там не понадобятся, будешь нелепо выглядеть в них на пляже.

– Спасибо за совет, дорогой, но путевку мне купит Евгений. Я просто хочу, чтобы Артем это время пожил у тебя.

– Он не хочет на солнышко? – удивился я.

– До конца четверти еще две с половиной недели, а он стал отвратительно учиться, – отрезала Яна. – Впрочем, если бы удосуживался интересоваться, как живет твой сын, ты чаще навещал бы его, а не ездил на курорты со своей телкой. Кстати, как там наша молодуха?

– Ты про сына хочешь поговорить или про молодуху? – уточнил я. Яна вздохнула. Ее попытка вывести меня из себя полностью провалилась.

– Артем тоже хотел поехать на курорт. Между прочим, ты обещал взять его с собой на каникулах, а вместо этого поехал раньше срока с...

– ...молодухой, – закончил я. – Это мы уже выяснили. Между прочим, ты тоже могла поехать позже и взять его с собой.

– Ребенок должен быть с отцом, – возразила Яна порывисто, а потом добавила с определенной долей скепсиса. – Тем более, что я хотела бы там побыть с Евгением, а они не очень ладят...

– Неужели? – лицемерно удивился я.

– Представляешь, недавно Артем обозвал Женю козлом, – пожаловалась Яна.

– Наш человек! – обрадовался я. Бывшую жену этот ответ не удовлетворил.

– Впрочем, чему я удивляюсь, это же сын своего отца. Ладно, мне уже пора. Пожалуйста, забери его из школы сегодня. После школы забери его вещи, я уже все приготовила... Валера, я надеюсь, ты возьмешь его пожить?

– Артем не собака, чтобы его «брали пожить», – разозлился я. – Мне он вообще-то сын.

– Я имела в виду... Ну, я надеюсь, что на это время у тебя там не будет жить очередная пассия...

– Тебя не коробит совместное проживание с козлом, то есть Женей, почему у меня должно быть по-другому? – осведомился я холодно, но Яна уже нащупала мое слабое место.

– Вот и договорились, – повеселела она. – Да, проследи, чтобы он вовремя делал уроки, не кусочничал, и вообще лучше обедайте в ресторанах, а то будете там одни пельмени да пиццы уминать, испортишь ребенку желудок...

– Это мой сын и я как-нибудь разберусь, чем его кормить, тем более, что у меня есть домработница.

– Да? Не знала. Впрочем, твои молодухи вряд ли умеют готовить, они только для одного дела пригодны... Да, проследи, чтобы он делал уроки и не позволяй допоздна смотреть телевизор и сидеть за компьютером. Своди его к окулисту, мне кажется, что у него портится зрение...

– Хорошо, – коротко ответил я, не чая, как отвязаться от бывшей супруги. Яна вздохнула.

– Вот и славненько, – ответила она и не удержалась, пустив в меня последнюю отравленную стрелу. – Кстати, ты в курсе, что твоя молодуха на работу не выходит уже два дня?

Я не успел ответить, Яна положила трубку. Настроение, которое я так успешно восстановил, испортилось окончательно. Я швырнул трубку на рычаг, а потом заглянул в монитор. Никакого везения. Вивиана, правда еще задирала народ своими тупыми репликами, а вот Гюрзы уже не было. И мне оставаться не стоило.

Яну у нас во дворе обожали все мальчишки и все мальчишки понимали, что шансов ни у кого не будет. Она была такая неприступная, модная и язвительная, словно принцесса. Девчонки ее ненавидели, а мальчишки дрались за право носить ей портфель. Впрочем, это тоже удавалось редко. За Яной в школу приезжал служебный автомобиль ее папочки, крупной партийной шишки, и она упорхала от нас, как тропическая бабочка. Даже учителя заискивали перед ней. Мне же вряд ли светил хотя бы благосклонный взгляд принцессы. На что я мог рассчитывать, если мой отец бросил нас с матерью, когда я только-только родился, а мама всю жизнь простояла на заводе у станка. Правда, когда я учился в десятом классе, мама стала бригадиром, что слегка улучшило нашу материальную жизнь, но не настолько, чтобы Яночка Левина обратила на меня свое внимание.

Я любил ее долго. Наивно надеялся, что она дождет меня из армии, хотя она тогда даже не знала, как меня зовут. Любил, отправляясь в ЗАГС в первый раз. Моя первая жена была очень похожа на Яну, но ей не хватало того шика, который был присущ семье Левиных, партийцев, слуг народа и так далее.

Ситуация изменилась после перестройки, когда я стал преуспевающим коммерсантом, развелся с первой женой и купил себе первый автомобиль – «Жигули» пятой модели. Союз разваливался вместе с надеждами многих людей, а семья Левиных оказалась не так уж и подготовлена к смене государственного строя. Яна, трудившаяся где-то в администрации, перестала каждую зиму менять шубы, однако по-прежнему носилась по улицам, гордо задрав нос на недостижимую величину. Пару раз я подвозил ее домой, однажды пригласил в ресторан, где сперва получил по рукам, а потом по морде.

Потом был дефолт, но я не утонул, а выплыл, разорив нескольких конкурентов. Тогда я вовремя отказался от продажи одежды из Турции и переключился на книги. Пока мой бизнес становился на ноги, местная шпана меня не трогала, посчитав, очевидно, что связываться со мной не стоит – книжки это же не продукты, миллионов не заработаешь! А потом было уже поздно. С нынешним серым кардиналом города Тимофеем Захаровым я когда-то играл в одной

песочнице, посему тот меня не трогал, подчеркнута вежливо здоровался за руку, а шантрапа вроде Гоги Сытина, именуемого в народе Большим, или Кирилла Зуева по прозвищу Бек, даже в смутные времена меня обходила стороной. Наверное, потому, что мой магазин находился на территории Захарова, бывшего моим старым знакомым. Впрочем, и Бек и Большой меня больше не занимали, поскольку недавно их перестреляли.

А вот семья Яночки шла на дно. Работать ни она, ни ее родители, привыкшие только руководить, не умели. А потом еще и неизвестные грабители залезли в их квартиру и вынесли все ценности, накопленные папочкой Яны за время диктатуры пролетариата. Взять было что. Одни только драгоценности Яны и ее мамы тянули на целое состояние. Жить по средствам семья Яны никогда не умела. Ограбление было тяжелым ударом для отца Яны. После инсульта его парализовало. Мать, работавшая в архиве, вынуждена была взять на себя уход за мужем. В результате основным добытчиком капиталов стала Яна, которой пришлось тянуть на себе не только родителей, но и бездельника мужа, за которого она вышла в порыве внезапно вспыхнувшей любви. Муж тоже был из хорошей семьи, словно породистый персидский кот. По профессии он был музыкантом, скрипачом, если быть точнее, причем довольно талантливым. Но после развала «совка» заграничные лавры ему уже не светили. Скрипач начал пить, у него тряслись руки, в итоге на карьере пришлось поставить крест. Яна почему-то с ним не развелась, хотя соседи жаловались на частые скандалы с битьем посуды и действующих лиц...

...Или о действующие лица...

Каламбур, прости господи!

Я встретил ее в жуткий дождь, в сентябре. Она стояла на обочине в десять вечера и отчаянно махала руками проезжавшему транспорту. На ней был невзрачный дешевый китайский плащ, беретка и сапоги с отрывающимся каблуком. Я сидел в четвертой по счету машине – черном «Мерседесе» в фирменных джинсах и скромном свитерке, купленном за бешеные деньги в Ницце.

– Садись, – вежливо предложил я. Яна не узнала меня и близоруко щурилась, с сомнением смотря внутрь машины.

– Яна, это я, Валера Беликов, – весело представился я. – Садись, ты уже насквозь мокрая. Не бойся, я не кусаюсь.

Она шагнула вперед и угодила дырявым сапогом в лужу. Чертыхаясь, она неуклюже вползла в машину.

– Домой? – спросил я. Яна не ответила, нервно кусая губы. Она даже не поздоровалась, хотя недостатком воспитания не страдала.

– Есть предложение посидеть в ресторане, – улыбнулся я. – Давно не виделись, хочется поговорить.

– О чем? – горько усмехнулась Яна.

– О жизни.

Яна отвернулась, уставившись в окно.

– Да что о ней говорить? Раньше у меня была жизнь, о которой можно было говорить, а сейчас так, существование...

Яна неожиданно заплакала. Я остановил у обочины и начал ее утешать, шепча на ухо разные глупости, что она самая-самая... Что я всегда любил только ее и всегда буду любить. Она поскуливала у меня на плече, а потом вцепилась в мой свитер и принялась стаскивать его с меня, жадно и агрессивно...

Я сделал ей предложение на следующий день, придя к ней на работу – в серый кабинет с тусклым светом, где на бетонном подоконнике умирал фикус и два кустика герани. Поговорить в кабинете не было никакой возможности. В кабинете сидели еще две сотрудницы, наострившие уши при моем появлении. Пришлось спускаться в полуподвал, где в столовой мы пили

дрянной томатный сок и ковыряли винегрет, овощи в котором, похоже, собирали в кучу, а потом взрывали.

– А ты не пожалеешь? – иронично спросила она. – Я не самый приятный человек в семейной жизни, да и приданое у меня богатое: алкаш-муж, парализованный отец и безработная мамаша.

– Я и сам не подарок, – беззаботно отмахнулся я. – А с твоими неприятностями я как-нибудь справлюсь.

– Ну-ну, – иронично хмыкнула Яна и дернула плечами. Она снова была на коне, предрекая сложности в нашей совместной личной жизни. Как в воду глядела...

Мы промучились двенадцать лет. Яна оказалась не подарком, как и обещала. Она снова научилась быть хозяйкой жизни, приняв ее как должное. Хуже было отношение ее родителей и бывшего мужа, которые почему-то решили, что я обязан им свалившимся на меня сокровищем. И если претензии родителей были более-менее обоснованы, то притязаний бывшего мужа я не понимал, но в помощи ему не отказывал, чувствуя себя гадко.

Часто так бывает, что ты всю жизнь хочешь купить себе какую-то вещь. Ты копишь на нее деньги, отказываешь себе во всем, ожидая, что запретный плод вот-вот станет твоим. Или не надеешься, глядя на стальные прутья, огораживающие Эдем от посягательств простых смертных. Там все кажется тебе таким волшебным, что ты готов пожертвовать всем, только бы получить то, что было тебе так недоступно. А потом вожаемая добыча сама падает тебе в руки, как яблоко с ветки и ты, вкусив его сочную мякоть, понимаешь, что он горек. Но мало того, в придачу к нему ты получаешь еще и несколько сочных червей, копошащихся внутри. Увы, но, примерив приглянувшееся платье, мы часто видим, что фасончик явно не наш, цвет убивает, выпячивает все недостатки внешности. И ты, судорожно стараясь что-то исправить, понимаешь на уровне подсознания, что этот наряд не для тебя, что следовало остаться в джинсах и майке, в которых комфортно, как дома на печи.

Наш брак с Яной стал именно таким. Поначалу я ошалело бегал за ней, как собачонка, заглядывая в глаза и повинуюсь первым командам. Потом «старался понять». Был у нее такой термин: «Ты должен меня понимать, ведь я...» Поводов для понимания было много.

Потом я терпел, сжимаясь, как пружинка. Терпел вспышки ее раздражения, ее беспричинной злобы и ядовитой иронии. Я терпел ее презрение, хотя это было тяжело и совершенно незаслуженно. Сколько бы нулей не было в моем состоянии, для Яны и ее родителей я был и остался плебеем. Хуже всего, что отношение ее придурковатых папаши и мамаша было таким же и к нашему с Яной сыну. Так смотрят на уродившегося в элитных псов бракованного щенка, с белым пятном на пузе или голове (когда его не должно быть) или слишком тонкими ногами. Неважно, что щенок весел, здоров и дружелюбен. Его никогда не примут в клуб графьев, поскольку его происхождение и экстерьер оставляет желать лучшего. Артем, встречавшийся с бабушкой и дедушкой на совместных семейных ужинах, жался ко мне или Яне, ревел и утирал соплю, наотрез отказываясь проводить с ними каникулы. А вот у моей матери он бывал охотно, пока та была жива. Другая бабушка не заставляла его декламировать «Бородино» и «Мцыри» (по скудности собственного образования мои тесть с тещей Канта не читали), покупала детские книжки и охотно подкармливала собственноручно выпеченными пирожками с мясом и варениками с клубникой. Яниных родителей мама не любила, а Яну побаивалась. Те в свою очередь мою родню презирали полностью до седьмого колена.

Я терпел, а потом пружинка лопнула...

Разводились мы тяжело, из-за Артема. Когда я собирал чемодан, он выл и бегал за мной по квартире, цепляясь за ноги. Ему тогда было восемь лет, и он прекрасно понимал, что я ухожу навсегда. Яна не сделала ни единой попытки меня остановить: просто стояла и курила, небрежно стряхивая пепел в пепельницу из керамики, привезенную не то из Индии, не то из Египта. Присутствующие при скандале тесть и теща из углов подавали ядовитые реплики.

Артем выл... В итоге я бросил чемодан и ушел в чем был, забрав только документы и кошелек с деньгами и кредитками.

После развода Яна устроилась прекрасно. Я оставил ей свою квартиру, не желая травмировать сына еще и переездом. Тесть и теща вознамерились было переехать к дочери, а свою квартиру сдать, но Яна воспротивилась. Первое время я жил в своем офисе, при магазине. Спал на неудобном кожаном диване и каждое утро начинал с гимнастики, потому что в тридцать с лишним лет тело уже не хочет повиноваться по первому сигналу. У меня болела спина, я плохо спал и мало ел. Яна, к которой я приезжал за вещами и повидать сына, не забывала отметить мой плохой внешний вид и ядовито высказывалась, что мол, она предупреждала, и что я все равно вернусь.

Я не вернулся.

Мой друг уезжал за границу на пару месяцев и пустил меня пожить в свою квартиру, с условием, что я буду поливать его цветы и ухаживать за его попугаем – серым какаду с мерзким характером. Попугай крал у меня карандаши, разгрызая их в мелкие щепки, вырывал у себя перья, втыкая вместо них разодранные на узкие полосы гляцевые журналы и орал дурным голосом «Караул!». Артема птица недолюбливала еще больше, чем меня. Клеток попугай в принципе не признавал, ловко открывая запоры. Вылетев из клетки, попугай пикировал на моего сына, таскал его за вихры или долбил клювом в макушку. И все равно я был счастлив в этой крохотной хрущобе, где в ванной негде было повернуться, а уж если по недомыслию ты наткнулся на одну стену, то тут же пересчитывал и остальные три, спотыкаясь об унитаз, натываясь на раковину и набивая себе синяки о стиральную машинку. Так чувствует себя человек, который нес на горбу торбу с камнями, а потом бросил ее к чертям собачьим.

Яна издевалась надо мной несколько месяцев, но я проявил характер и решил, что два раза в один капкан не попадают. Она угомонилась не скоро, пытаясь шантажировать меня сыном, но это не помогало. На суде, где у меня был прекрасный адвокат, Яна отказалась от большей части своих притязаний, чтобы оставить Артема у себя. В противном случае она не получила бы даже сотой доли того, что я заплатил ей в качестве отступного. За ней осталась прекрасная квартира, машина и часть дохода от одного магазина. Можно, конечно, было не давать ей и этого, но я не собирался обделять единственного ребенка. Яна утешилась быстро, найдя мне замену в лице какого-то очкастого хмыря, которого так не любил мой сын. Хмыря, кстати, поначалу очень радушно приняли родители Яны, однако разочарование произошло еще быстрее. Новый зять не баловал новоявленную родню ни вниманием, ни деньгами, хотя отнюдь не пролетарское происхождение давало им надежды на обратное. Еще больше его невзлюбил бывший муж Яны, которого раз и навсегда отлучили от семьи. Бывшие родственники стали более приветливо отзываться обо мне, звонили в мой офис, передавали приветы и просили денег. Но даже мое терпение не безгранично.

Яна же по-прежнему наблюдала за мной как пирующий на падали коршун. Любая моя женщина становилась объектом для пристального и детального изучения, едва ли не со снятием отпечатков пальцев и забора проб ДНК. Яна всерьез опасалась, что моя новая жена может поломать ей удачно налаженную жизнь, а может, и просто не хотела выпускать меня из своих цепких лап навсегда. Да и моя жизнь со временем налаживалась. Я съехал от друга, который решил остаться за «большим бугром» навсегда, купил квартиру в двух уровнях (в пику Яне) и забрал облезлого какаду к себе, так как неожиданно привык к его мелким пакостям. Какаду почему-то напоминал мне бывшую тещу и не позволял раскисать.

За сыном я приехал почти вовремя, хотя он уже стоял на крыльце школы, беседуя со стайкой пацанов его возраста. Шапку он, конечно же, не надел. Ветер трепал его светлые вихры. Я вздохнул. Не мог волосами пойти в Яну? У нее волосы были темные, тяжелые, как маслянистая река, а сын унаследовал мои, светло-русые и не слишком густые. Лучше бы он мой характер унаследовал... Я дважды надавил на сигнал. Артем увидел меня и, небрежно попрощавшись

с приятелями замысловатым движением рук, кое я даже толком и не зафиксировал, скатился ко мне со ступенек.

– Привет, па! – завопил он, влетая в машину. – Я теперь у тебя буду жить?

– Пока да. Чего без шапки стоял?

– Да я только вышел.

– Вышел он... А если б я опоздал, ты бы ее одел? Думаю, что нет.

– Можно подумать, ты куда-то опаздываешь, – фыркнул Артем. – У тебя же внутри будильник стоит. Па, поехали в пиццерию, я жрать хочу, как слон.

– Не жрать, а есть, – сурово поправил я сына. – Поехали, дома все равно холодильник пустой. Заодно в супермаркет заедем, продуктов наберем. Я Людмиле Петровне сегодня позвоню, чтобы она на работу выходила, а то нам грозит голодная смерть.

– Ага, – обрадовался сын, – а ты мне луку купи зеленого. Мама его редко покупает, говорит, изо рта плохо пахнет и изжога будет.

Я улыбнулся. Пока моя мама была жива, каждую весну она ставила в банки, подходящие по размеру луковицы, чтобы есть проросший зеленый лук, делать салаты. «Для витаминов», – назидательно говорила она. Артем, приходивший к бабушке в гости, первые зеленые стрелки объедал со скоростью изголодавшегося козленка. Не знаю почему, но стебельки лука Артем молотил так, как порядочные дети молотят конфеты. Луковицы после его набегов выглядели так, словно по ним тупой косилкой проехали. А мама всегда радовалась и гладила Артема по голове морщинистой ладошкой.

Потом она умерла. И лук стало некому выращивать.

В пиццерии, пока Артем доедал четвертый по счету кусок итальянской лепешки с начинкой, я сделал пару звонков, один из которых мне не очень понравился. Мы заехали за вещами Артема, а потом отправились в супермаркет. Набив тележку под завязку, я покатил ее к кассе. Артем догнал меня у самого выхода из зала, протягивая мне пару журналов с комиксами, пачку жвачки и дурацкий набор конфет в виде игрушечной машинки, набитой разноцветным драже. Я даже ухом не повел, памятуя о том, что Яна ребенка держит в черном теле, комиксы ненавидит, а конфеты позволяет есть только на десерт и никогда «просто так».

– Можно? – спросил Артем.

– Можно, – ответил я. – Мама говорила, у тебя зрение портится?

– Ничего не портится, – сразу насупился сын. – Просто она думает, что я в очках буду выглядеть умнее и стану похож на этого козла.

– Про взрослых нехорошо говорить – «козел», – строго сказал я.

– А что делать, если он козел? – с бесконечным презрением осведомился сын. Интонации были насквозь Янины. – Он меня жить учит, своими правилами хорошего тона уже задолбал! Пусть он свой этикет в задницу засунет!

– Ты как с отцом разговариваешь? – возмутился я.

– Так я же не про тебя, а про этого козла – дядю Женю, – рассудительно парировал Артем. – Представляешь, он мне сказал, чтобы я называл его папой.

Я едва не врезался в столб.

– Чего?

– Чтобы папой его называл, – меланхолично повторил Артем, жуя стрелку лука. – Так и сказал: «Ты, Артемка, меня папой зови».

– А ты чего ему ответил? – заинтересовался я.

– Я ему ответил, что я еще с дуба не рухнул, – ответил сын.

– Так и сказал?

– Так и сказал. Пап, а давай купим «Нитро Фэмэли»?

– Это что такое?

– Это такая игра прикольная. Там у одной семьи похитили ребенка, а они пошли его вызывать, ну и мочили направо и налево всех подряд! Я у Лешки в нее играл, мне понравилось.

– Хорошо, купим. А что дядя Женя ответил, когда ты ему так сказал?

– Сказал, что он займется моим воспитанием.

– А ты? – осведомился я, подозревая, что мой ребенок за словом в карман не полез. Так и вышло.

– А я ему сказал, чтобы он шел в задницу, козлиная морда!

Мой ребенок!

Я попытался взять себя в руки и не слишком сильно лыбиться, тем более, что сын на меня искоса поглядывал, но губы сами расплзались в улыбке. Артем мое настроение почувствовал и сам заулыбался.

– Артем, так разговаривать с коз... дядей Женей не стоит. Будь с ним вежлив, и не лезь под руку. Но если этот... то есть если он еще раз попросит называть тебя папой, скажи ему, что я ему все зубы... то есть, что у тебя папа есть и другого тебе не надо! Понял?

– Понял. Па, а может мы еще и четвертую версию «Дума» купим?

– Хорошо, купим. А что мама тебе на это сказала?

Артем помрачнел.

– Сказала, что яблоко от яблони недалеко падает. И что она мне рот вымоет мылом за такие слова, потому что этот козел побежал к ней жаловаться. И что у тебя сейчас очередная молодуха, и тебе на меня наплевать. Вы с ней себе другого ребенка заведете.

Так-так-так... Ну, Яна...

Я подавил в себе желание позвонить Яне и высказать ей, все, что я думаю о ней и об ее козле Жене, но сдержался. Артем посмотрел, как у меня на щеках заходили желваки, и тяжело вздохнул.

– Никаких детей мы заводить не будем, и вообще, мы расстались, – сообщил я сыну.

– Да я знаю. Мама вчера тете Милане звонила и радостно так сообщала, что ты свою молодуху бросил.

– Что за тетя Милана?

– Не знаю, я ее никогда не видел.

В квартиру мы вошли нагруженные сумками и пакетами. Попугай, который нас и за людей не считал, оживился и выдал матерную тираду на птичьем языке.

– Пап, – крикнул мне Артем, – у него поилка сухая совсем. Можно я воды ему налью?

– Налей, – крикнул я из кухни, забрасывая продукты в холодильник. – Смотри только, чтобы он тебя не укусил.

– Да я осторожно... Ай!!!

Я фыркнул. Укусил таки, мерзавец!

Артем что-то бурчал в комнате, но я его не слушал. В голове вертелись неприятные мысли. Занятый ими я все делал машинально. Ну, Яна, ну стервозина... Больше всего мне не понравилось то, что меня сознательно отодвигали на второй план в жизни моего ребенка. Что же, с этим я мириться не стану.

Не понравилось мне так же и то, что Яна обсуждает меня с какой-то новой подругой, имя которой навевало некие ассоциации, связанные с чатом. Была там одна Милана... Именно с ней сегодня цапалась Гюрза.

А еще мне не понравилось, что Яна в курсе того, что мы расстались с моей пассией, и знает, что та уже два дня не появлялась на работе.

Vii

Утро выдалось загроможденным. Сперва позвонили из типографии, когда я уже предвкушала расслабуху и праздное времяпровождение. Как выяснилось, на одном из макетов часть заголовков не была преобразована в кривые и при выводе на пленки, они «поползли», выйдя за печатные рамки. Почему это не заметили корректоры, не понимаю, впрочем, я этого тоже не заметила. Было поздно, всем хотелось домой. Номер доверствовался в жуткой спешке, у меня голова была забита совсем другими проблемами. Так что на пленки я тоже не взглянула.

Потом на мобильный позвонил Карен с пренеприятным известием, что у нас дома отключили телефон за хроническую неуплату. Дело в том, что мне совершенно некогда этим заниматься, а мои сыновья вспоминают о своих обязанностях, только когда я устраиваю им ответственную головомойку. Карену пришлось тащиться через весь город ко мне, чтобы взять деньги и сходить в кассу. Те, что я оставила им на расходы, бесследно улетучились. Я даже как-то провела эксперимент и оставила им деньги, строго настроив запретив выходить из дома (оба болели, подхватив грипп). Когда я вернулась, выяснилось, что денег почему-то нет, и на что они их потратили, мальчишки не помнили, хотя уверяли, что из дома не выходили. Я не поверила и проверила их обувь. Ботинки были сухими и чистыми. Выходит, заказывали что-то на дом? Я проверила мусорную корзину, но не обнаружила ни коробок от пиццы, ни другой тары из-под быстро доставляемых продуктов. Допрос с пристрастием результатов тоже не дал. Все, чего я добилась, были мутноватые наполненные слезами взгляды, чихание и всхлипывания, что я их совсем не люблю.

Потом меня вызвал шеф и устроил скандал. Из типографии ему тоже успели позвонить, что меня крайне удивило. Раньше все эти вопросы решала я, кто успел проявить инициативу, я не знала и от того чувствовала себя не лучшим образом. Я огрызнулась, что в час ночи очень тяжело увидеть все ошибки на полосе, которую правили и верстали целую неделю. Бывает, что журнальные полосы настолько часто мелькают перед глазами, что ты не увидишь на них даже слона в розовую крапинку, если тот вдруг решит прогуляться между строчками и абзацами. Шефу мое настроение и речи не понравились и он начал биться в истерическом припадке.

Я стерпела. По опыту знаю, что лучше дать ему выкрикаться, тогда есть шанс, что он отстанет очень быстро.

В итоге на обед я ушла с десятиминутным опозданием. Выловить по телефону Ирусика и пригласить откусать столовских харчей не представлялось возможным. На всякий случай, я уже в пути позвонила ей на сотовый и на домашний. Домашний не отвечал, а мобильный вообще был выключен. Надеюсь, что Юлька не будет сильно возмущаться. Я представила, как она сидит в пиццерии и злится, что нас нет. Особым терпением она никогда не отличалась.

Оказалось, что я переживала напрасно. Юльки в пиццерии не было, хотя она все равно не успела бы пообедать и уйти. Я набрала ее номер, но не дождалась даже гудков, когда увидела ее в дверях. Юлька отрешенным взглядом осмотрелась по сторонам, не заметив меня. Я помахала ей рукой.

Разговор протекал вяло. Я чувствовала, что Юльке не терпится мне что-то сказать, но она молчала, хмуро пережевывая пиццу и дергая плечами.

– Чего ты? – встревожилась я. – Опять Пашка твой?

Юлька отрицательно помотала головой.

– Я потом тебе скажу. Ты сама бывшая журналистка, так что вряд ли тебя это сильно шокирует, а вот лишить аппетита может запросто.

Это заявление меня заинтриговало. Я одним глотком проглотила оставшийся кофе и дожрала остаток пиццы. Юлька выглядела совершенно несчастной.

– Не томи, – попросила я. Юлька тяжело вздохнула и полезла в свою сумочку. Вытащив оттуда какие-то свернутые вчетверо бумаги, она сунул их мне.

– Зрелище преотвратное, так что если у тебя слабый желудок, лучше не смотри, я на словах объясню.

– Что там? – испугалась я.

– Покойник. Точнее, покойница. Менты сегодня прислали в газету, вдруг кто опознает.

– Блин, тебе делать больше нечего, только фото покойников в сумке таскать, – разозлилась я. Юлька вдруг надменно приподняла брови, а я разволновалась еще больше.

– Ты чего? Ты его... то есть ее – знаешь?

– Я не уверена, поэтому и пришла к тебе. Я ее не знала, если это та, про кого я думаю. А вот ты с ней кажется, была очень хорошо знакома.

Я развернула листы бумаги. На них была распечатка фотографии мертвой женщины. Меня слегка передернуло. Смотреть на фото покойника, да еще и после обеда – удовольствие еще то. К счастью, подобные снимки мне уже приходилось лицезреть довольно часто, так что особенного отвращения я не испытала.

В лице покойницы я, вопреки своим ощущениям, ничего знакомого не увидела. Юлька смотрела на меня с плохо скрываемым любопытством, смешанным с жалостью.

– Ну? – не выдержала она.

– Гну, – остроумно ответила я. – С чего ты взяла, что я ее знаю.

Юлька тяжело вздохнула и, с сомнением посмотрев на свой недопитый кофе, все-таки отодвинула чашку в сторону.

– Я думала, что это Катя. Выходит, ошиблась...

Я вытаращила глаза и снова уставилась на фото мертвой женщины. Плоский блин, в который превратилось лицо покойной вдруг начал обретать трехмерные очертания. Я смотрела, как черты лица, словно сама собой собирающаяся головоломка вдруг начинают обретать знакомые очертания.

– Черт побери, – выдохнула я. – Ты права, это, кажется, она. Как ты ее узнала по такому жуткому снимку?

– У нее татушка на плече, – пояснила Юлька, передернувшись. – А ты сама мне фото прислала. Если бы это было не вчера, у меня и в мыслях бы этого не было. Мало ли в чате людей? Я их всех в лицо не помню, особенно тех, кого в натуре не встречала. А Катька еще и в сеть выходила довольно поздно. Я ее всего несколько раз заставала, когда чатилась из дома. Ты же знаешь, что я в основном с работы в сеть выхожу, чего деньги-то зря тратить, если халява под боком? Так что, если бы не твои фото, я бы и не узнала ее.

– Что с ней случилось?

– Понятия не имею. Я с ментами вообще редко общаюсь, но, видимо, на этот раз придется изменить своим принципам. Или Никитку попросить, он там завсегдадай.

– Шмеля?

– Его. Он по местечковому криминалу большой специалист, круче его, пожалуй, только Гаврилова пишет, но Никитка чужих статей не тырит, в отличие от этой шепелявой жабы.

– Ужасно, – произнесла я и потеряла щеки. – Как же так?.. Она такая радостная была, все щебетала, что мужик стоящий попался и тут такое...

– Дощебеталась, – констатировала Юлька. – Ты с ментами все-таки свяжись, на опознание сходи. Вдруг, не она?

– Вот еще! – возмутилась я. – Почему я должна идти?

– Потому что я ее не знала, – пояснила Юлька. – Возьми Сынка с собой или Ирку. Лучше Сынка, у него-то нервы покрепче будут, наверное. О, может быть, у тебя есть ее телефон? Ну, того места, где она остановилась? Или Ирка с Владом записали?

– У нее сотовый был, – глухо ответила я, холодея. – И мы уже звонили на него. Абонент был временно недоступен. Боюсь, что это все-таки она.

– Вот значит, и сходите в морг. Я, между прочим, даже ее фамилии не знаю. В чате она Лапа, зовут в жизни Катя, и еще она не местная. Это все, чем я могу помочь ментам. Вам-то известно больше. Надо ведь ее родных известить если что...

Больше Юлька ничем не напоминала растерянную девочку, пошедшую в кафе. Передо мной была Гюрза, та жесткая и ядовитая особа, которая привыкла раздавать в чате оплеухи своим обидчикам.

– Злыдня ты, – покачала я головой. – Ладно, давай телефоны, куда позвонить. Только я сама не пойду, пусть лучше Влад сходит. Он одно время к ней клеился.

– Вон они, на бумажке написаны. Ладно, я пошла на барщину. Выполните поручение, о результатах доложите незамедлительно.

– Раскомандовалась, – фыркнула я. – Гангрена ты, Юлька, чистый керосин! За что только мужики любят?

– За неземную красу и сговорчивый характер, – рассмеялась Юлька и пошла к выходу.

Шмель

Я ненавижу осень. Я терпеть не могу слякоть и грязь. По мне самая холодная зима гораздо лучше «унылой поры, очей очарования». Что только Пушкин нашел в осени, не представляю? Что может быть приятного в сером, словно из свинца, небе? Чем хорош противный изматывающий ветер и бесконечный колючий дождь, которому нет ни конца, ни края. Осенью я мечтаю впасть в спячку и не просыпаться хотя бы до тех пор, пока на землю не выпадет настоящий снег, который не растает и не усугубит мерзостную слякоть. Если бы я был очень богат, то меня никогда не видели бы на родине в период с октября по апрель.

Хорошо, хоть автомобиль – старенький «Фольксваген», купленный мной за гроши, не подводил и исправно возил, куда мне хотелось. В такие минуты я ужасно сочувствовал Юльке, которой приходилось тащиться через весь город на работу. Иногда я ее подвозил, но теперь, когда я перешел на гонорарную оплату, мне не требовалось вставать рано утром и приходиться на работу к девяти. Толку в этом не было никакого, а деньги практически те же самые. Единственной проблемой было отношение к этому родителей. В свое время они были жутко напуганы моим увольнением с работы и теперь зудели без перерыва, что, мол, – это не работа, что непременно нужно быть где-то в штате, на твердом окладе. Мои доводы, что за в два раза меньшие деньги мне придется пахать на заводе, причем с утра и до вечера, они не принимали.

Что плохого в том, что сегодня я, прогудев накануне на вечеринке, проснулся где-то в половине одиннадцатого, да и то от телефонного звонка. Меня пригласили присутствовать на торжественном мероприятии, посвященном утверждению нового герба города. Событие, так сказать, то еще, максимум, на что я рассчитывал, была крохотная заметка, плюс снимок. Гонорар от снимка, причем, явно превысил бы гонорар от материала. Идти одному мне не хотелось, поэтому я позвонил Юльке.

С Юлькой мы дружили долго, причем без каких бы то ни было поползновений с любой из сторон. Однажды нас встретил один знакомый.

– А вы хорошо смотрите рядом, – удивленно произнес он. Мы посмотрели друг на друга с не меньшим удивлением, и, клянусь, одновременно подумали: «А почему бы нет?»

«Почему нет» выяснилось довольно быстро. Месяца два мы встречались, делали друг другу приятные вещи, вроде романтических ужинов (готовила Юлька, а я обеспечивал антураж), взаимных подарков (я предпочитал дарить цветы, Юлька разные мелкие безделушки, которые мне жутко нравились) и совместных культпоходов (предпочтительно на халяву. По работе приходилось посещать концерты и брать интервью. А платить при этом за билеты –

последнее дело). Потом мы решили, что как современные люди мы просто обязаны пожить вместе, дабы проверить чувства.

Из совместного проживания ничего хорошего не вышло. Юлька переехала ко мне и практически мгновенно стала меня раздражать. Два журналиста не всегда гармонично уживутся в одной квартире, когда обоим нужны для работы определенные условия, вроде компьютера, тишины (и никакого телевизора, слышишь!), музыки, не отвлекающей от процесса (для моих пасквилей требовался рок, для ее гламурных материалов – сладенькая попса), и прочее, прочее, прочее...

Я бы терпел дольше, памятуя, что древняя мудрость гласит: «Стерпится, слюбится». Но Юлька тоже терпела из последних сил, а потом не выдержала и решила уйти. Для приличия я попробовал ее удержать, но потом, когда за ней захлопнулась дверь, почувствовал невероятное облегчение. На следующий день она позвонила и попросила помочь увезти ее вещи. Я согласился, не зная, чего от нее ожидать. Характер у Юльки был взрывным. Однако все закончилось тихо и мирно. И самое главное, что наши отношения вернулись на прежние круги, даже лучше. Мы стали ближе, роднее друг другу, обсуждали свои приключения, в том числе и любовные без каких-то претензий друг к другу. Больше всех переживали мои родители, сильно сокрушавшиеся, что я до сих пор не женат и даже не собираюсь. Юльку они признали сразу, и отпускать не хотели.

Юлька вылетела из здания редакции, на ходу запахивая свою курточку. Я увидел ее сразу и поспешил подъехать поближе. Разошедшийся не на шутку дождь не делал прогулку приятной. Ветер гнал по проезжей части кусок пенопласта. На него периодически наезжали беспощадные колеса автомобилей, сплющивая и кроша на мелкий грязно-белый горох, разлетающийся по окрестностям. Я невольно подумал, что если бы рядом со мной сидел кто-нибудь из местных поэтов, он непременно сваял бы авангардный трагический опус под названием «Судьба пенопласта». Но поэтов поблизости не было, а уткнувшим в воротники людям, прикрывавшимся от мира зонтами, дела до куса прессованной химии не было. Ветер безжалостно рвал зонты из рук и выворачивал наименее качественные из них наизнанку. Юлька решила не уподобляться Мэри Поппинс и зонта открывать не стала, пробежав расстояние до моей машины в рекордно короткие сроки.

– Привет, – выдохнула она, усаживаясь рядом. – Опоздала?

– Как обычно, – усмехнулся я. Юлька с трудом рассчитывала время и на все пресс-конференции влетала за минуту до начала. Но сегодня на презентации нового герба должен был присутствовать губернатор, а тот ни одно заседание еще не начинал вовремя. В прошлом году он умудрился даже чуть ли не сорвать визит в область президента.

– Успеем? – деловито осведомилась Юлька, поглядев на себя в зеркало. Красота была вне всякой конкуренции.

– А то, – фыркнул я и рванул с места так, что Юльку вдавило в кресло. Да и ехать было недалеко, просто дождь... дождь... дождь... Очей очарование... То еще очарование, если честно.

Прибыли мы на место практически к торжественной церемонии, вбежав в битком набитый зал. К счастью, телевидение в лице двух областных и одного городского канала не успело оккупировать все боковые места сразу под ложами театра. Справа, в более удобном месте, все места были заняты, а вот слева занято было только одно. Мы с Юлькой поспешно плюхнулись на них и только тогда оглянулись на нашего соседа.

– О, привет, – удивилась Юлька. Я взгляделся более внимательно и с удовольствием обнаружил, что это ни кто иной, как Сашка – наш знакомый по чату, коллега в жизни и просто хороший человек. В наших краях он бывал нечасто, приезжая в краткосрочные командировки. Пару раз, когда мы с Юлькой еще были вместе, он ночевал у нас. В чате Сашка носил ник Si, что соответствовало его инициалам. На большее его фантазии в тот момент не хватило. Из-за

ника его часто принимали за девушку, что вызывало у нас приступы хохота. Надолго Сашки не хватало, он начинал ругаться, что смешило нас еще больше.

– Ослепительна, как всегда ослепительна, – проворковал Сашка и приложился к руке Юльки. Моя рука тоже удостоилась внимания, хотя мне ее просто пожали. Выглядел Сашка бодреньким и свежим, как персидская фиалка. В полумраке хорошо были видны только его белые зубы, которые он периодически скалил. Остальной вид терялся ввиду Сашкиной смуглости, а может и хорошего загара. Сашка часто мотался по командировкам, причем в так называемые горячие точки: Афганистан, Чечню. Мы потом смотрели его программы и восторгались.

– Хватит выпендриваться, – рассмеялась Юлька.

– Я стесняюсь в присутствии вашего кавалера проявлять более сильные эмоции, – томно прошелестел Сашка.

– Не стесняйся, – приободрил его я. – Она другому отдана и будет век ему верна.

– О как? – удивился Сашка. Удивление было явно притворным, так как разрыв с Юлькой мы обсуждали во всеуслышание, а Сашка, как иногородний и наш приятель и вовсе был посвящено во все подробности. Перед местной братией мы были более сдержаны. Я уставился на сцену. Губернатор еще не показался, видимо, как обычно задержался.

– А ты тут какими судьбами? – удивился я. – Или новый герб города захопустного Зажопинска новость достойная столичных СМИ?

– Все пути ведут в Зажопинск, – меланхолично и загадочно произнес Сашка. Я немедленно наострил уши.

– Ты не просто так приехал? – спросил я. Сашка не сразу ответил. Он любил выдерживать многозначительные паузы, что жутко раздражало его собеседников.

– Где тут начальник УВД? – осведомился он. Юлька соколиным глазом оглядела ряды гостей и зрителей и ткнула рукой куда-то в середину.

– Вон мордастый дядька сидит в погонах, видишь?

– Они там все мордастые, – пожал плечами Сашка. – Лысый?

– Нет, лысый правее. Вон тот, седая башка и лицо, которым можно орехи колоть. Видишь, сидит, насупился, бровями шевелит, как жук навозный...

– Как майский, ты хотела сказать, – поправил я.

– А то навозный не шевелит, – парировала Юлька. – И потом он такая гнида, что скорее на навозного жука смахивает. А тебе он зачем?

Сашка попробовал взять паузу, но Юлька ткнула его локтем в бок.

– Колись давай, а то не буду тебя на машине катать.

– У тебя же вроде нет машины, – удивился Сашка.

– Как это? Стиральная же есть!

Сашка гулко захохотал, на нас недовольно обернулось целых четыре первых ряда. От расправы нас спас губернатор, который наконец-то вышел на сцену с торжественной речью. Я выковырял из сумки фотоаппарат и сделал несколько снимков губернатора и красиво сделанного из кусков гипсокартона герба. Больше делать на мероприятии было нечего.

– Валим? – предложил я. Юлька пожал плечами, Сашка отрицательно помотал головой.

– Мне надо этого жука выловить. Я уже сутки это пытаюсь сделать и дохлый номер. Не хочет он со мной общаться. Помнит, видать, как в прошлом году я его ровным слоем по стеночке размазал... Да видать не до конца...

– А чего ты хотел, – фыркнул Юлька. – Никитку вон тоже не везде зовут. Правда, менты его любят, он с ними плодотворно общается.

– Поможешь? – попросил Сашка.

– Помогу, – согласился я. – Чего сразу не позвонил?

На нас зашикали, и нам пришлось заткнуться. Губернатор бубнил, рассказывая о достижениях города и области, сделав особый упор на том, что именно с его приходом в регионе

началось строительство бань, возродилось сельское хозяйство, началось строительство, да и вообще весь люд честной должен благодарить царя-батюшку, надорвавшему пупок в борьбе за лучшую жизнь империи. Как там говорил Филатов? «Утром мажу бутерброд, сразу мысль, а как народ?» Губернатор оккупировал местные телеканалы, газеты и радио. Именно я несколько месяцев назад написал статью с простым названием «Включил уют, он там сидит», где с присущим мне ядом высмеял все потуги царя-батюшки казаться лучше, чем он есть на самом деле. За эту статью я получил пару не смертельных плюх и полное отлучение от публикаций в газетах родной области, что, признаться меня ничуть не огорчило, так как гонорары от публикаций в столичных изданиях полностью перекрывали гонорары местных масс-медиа.

Народ внимал губернатору вяло. В зале, несмотря на еще не начавшийся отопительный сезон, было душно. Я томился вместе с народом. К тому же, в отличие от последнего, речи губернатора слышал не в первый раз, все итоги были давно зафиксированы, написаны и отправлены, так что ничего интересного я не услышал. К сожалению, выход у сцены был заперт, так что нам не удалось бы смыться, не привлекая излишнего внимания заскучавшего зала.

Придушив зал достижениями, губернатор уступил место мэру, который коротенько поздравил присутствующих с таким знаменательным событием, а потом на сцене показался конференсье, ведущий только пафосные события. Мы расслабились и приготовились внимать. Иногда нас баловали неплохими концертами. Однако на сей раз, не повезло.

Концерт был вшивенький, рассчитанный на патриотизм и другие светлые чувства народа. Народу по большому счету было уже все равно, но охрана из зала никого не выпускала, так как губернатор, которого снимали три телеканала, не потерпел бы таких вольностей. Один за другим на сцене появлялись коллективы и солисты, восхвалявший родной край. Видимо, от избытка усердия (а как же! САМ в зале!), восхваляли город они как-то неубедительно. Юлька, у которой висела культурная полоса, скривилась. Главный светский лев города, журналист Владик Невский, красавец и щеголь и вовсе попытался сбежать через главный выход, но его точно так же отказались выпускать. Злобно окрысившись, тот пошел на свое место. На сцену выходили все новые и новые коллективы. Добить нас решил народный ансамбль «Сладка ягода». Тетки в жухлых кокошниках противными голосами нестройно затянули народную песню про калину. Юлька выругалась сдержано, я уже не очень. Наше положение усугублялось тем, что мы сидели прямо напротив колонки, и децибелами звука нас буквально сносило с места. Губернатор сидел с кислым видом, озираясь по сторонам. Видимо, он и сам мечтал вырваться с этого мероприятия, да вот не получалось. Просто встать и уйти вместе со своей свитой, ему было неудобно.

– С подарком к столь занимательному событию перед вами выступит поэтесса Елена Запашная! – пластмассово бодрым тоном произнес конференсье и поспешно удалился за кулисы. Нам с нашей позиции было отчетливо видно, как он, стоя за пыльной занавеской, вытащил из внутреннего кармана плоскую фляжку и сделал внушительный глоток.

На сцену, в обнимку с ободранной гитарой вышла тучная дама в длинном коричневом платье. На ее шее висели бусы из дерева, а может и керамики, такого размера, что более субтильный человек согнулся бы под их тяжестью. Тяжелую копну волос украшала повязка из кожи, расшитой дешевым бисером. Дамочка выглядела, как ожившая картинка хиппарей шестидесятых годов. Зрители вымученно улыбались и встретили поэтессу вялыми аплодисментами. Я тяжело вздохнул. Как же отсюда слинять?

– Хочешь шоколадку? – спросил Сашка у Юльки.

– Давай, – обреченно согласилась она. – Иначе я точно сдохну.

Елена откашлялась и взяла первый аккорд...

– Под шелковым небом здесь город стоит... – начала она низким грудным голосом. «Ой, мама дорогая, – подумал я, – Она же сейчас будет всю его историю пересказывать!»

– ...построенный он на костях убиенных... – неожиданно продолжила Елена с легким надрывом. Публика настороженно повела ушами.

– ...Смертельный огонь в его чреве горит,
и Дьявол на троне кривится согбенный...

Юлька подавилась шоколадкой и закашлялась, но на это никто не обратил внимания. Публика сделала вдох, а вот выдохнуть уже не смогла. Занудный концерт вдруг начал неожиданно интересным. Сашка вдруг болезненно ткнул меня в плечо и указал пальцем на губернатора. Я обернулся, и мои руки автоматически нащупали фотоаппарат. Челюсть губернатора и его свиты медленно съезжала вниз.

– ...Шакаля улыбка и огненный взор,
И льстивые речи помощников жутких.
И в городе этом, от моря, до гор,
Не будет покоя уж ни на минутку,

– надрывалась Елена Запашная, нещадно терзая струны. Челюсти губернатора, мэра и иже с ними уже давно валялись где-то под ногами. Я без перерыва щелкал фотоаппаратом, поскольку для истории должны были сохраниться перекошенные лица сподвижников губернатора и его самого. У меня в коллекции уже был интересный снимок. Однажды я подловил губернатора на перечислении каких-то достижений, когда тот загибал пальцы. Через пару недель на одном Интернет-портале появилась моя статья (правда, опубликованная из предосторожности под псевдонимом), в которой рассказывалось, как губернатор отказал в помощи многодетным матерям, выгнав их из отданного им частного детского дома. На украшавшем статью снимке губернатор оттопыривал средний палец правой руки. Статья получила неожиданный резонанс, а меня все равно вычислили по стилю. Правда, никаких репрессий не последовало, видимо, устали бороться...

Елена Запашная завершила свое выступление в изумленной тишине. Юлька рядом со мной давилась беззвучным смехом, Сашка ржал не стесняясь. Публика оторопело смотрела на исполнительницу, а потом раздались жидкие аплодисменты. Смотреть на губернатора было невозможно.

– Браво! – вдруг заорал кто-то с задних рядов. – Так их, лицемеров! Бис!!! Бис!!!

– Еще! Еще!!! – подхватили вопли и другие зрители, по достоинству оценившие эпатаж Запашной. Губернатор даже подскочил с места, когда увидел, как Ленка решительно пошла к микрофону, но тут из-за кулис, спотыкаясь, вылетел ведущий, на ходу вытирая рот. В его левой руке был зажат соленый огурец. Он решительно оттеснил Запашную от микрофона.

– Спасибо, Елена! – срываемся от ужаса голосом произнес он, глядя, как грозно шевелятся брови «царя народов». – Вы настоящее украшение нашего концерта. Но все хорошо, что хорошо кончается... Тьфу ты! Я хотел сказать, что все хорошее рано или поздно заканчивается. После антракта мы продолжим наш концерт!

– Пошли отсюда, – скомандовала Юлька. – Сил уже нет тут сидеть.

– Ни с кем беседовать не будешь? – осведомился я. Юлька скривилась.

– Закрывать полосу «Сладкой ягодой»? Нет уж, увольте. Да и писали мы о них пару месяцев назад. Полосы они точно не заслужили своей калинкой-малинкой. В редакцию тоже больше не пойду, пусть думают, что сижу на концерте. До дома подбросишь?

– Подброшу. Саш, ты на колесах?

Сашка не спускал глаз с пробирающегося к выходу губернатора и его свиты.

– Что? А, нет, я пешком. Пойду, попробую начальника УВД отловить. Если не получится, то придется тебя припрячь.

– Мы тогда тебя в кафе подождем, – предложил я. – Все равно это выяснится в течение десяти-пятнадцати минут. Может быть, мы даже пальто из гардероба не успеем забрать.

Пальто забрать мы успели, хотя отважиться на просмотр второго отделения концерта решились не все. Я успел заметить, как конферансье, стоящий у входа в служебные помещения, что-то выговаривает Запашной. Судя по ее хмурому лицу, ничего приятного он не говорил. Скорее всего, поэтессу перестанут приглашать на концерты в ближайшие несколько лет.

Дождь, к счастью, перестал лить. Так что до кафе мы добежали без особых приключений. Правда, ветер ничуть не стих. В кафе мы сели подальше от двери со сквозняками, но так, чтобы увидеть входящего Сашку. Мы не успели даже отхлебнуть по глотку от заказанного чаю, как Сашка вошел в двери с хмурым и даже злым лицом.

– Отказал? – спросил я.

– Чего вы пьете? – спросил Сашка вместо ответа. – Может, по коньячку?

– Я за рулем. Может, Юлька будет? Юль, будешь коньяк?

– А давай, – апатично согласилась Юлька. – Мне теперь что воля, что неволя...

Сашка махнул рукой официантке и сделал заказ. Девушка, обслуживавшая наш столик, одарила Сашку невероятно нежным взглядом. Сашка заметил и немедленно зазнался, выпятив вперед грудь и бросая на девушку долгие многозначительные взгляды.

– Ты чего в нашем регионе делаешь? – невежливо прервал я этот артобстрел. Сашка томно посмотрел на меня. Я фыркнул.

– Саш, ты с любовью лучше на Юльку смотри, а то я тебя как-нибудь не так пойму. Колись давай, чего тебя к нам прислали?

Сашка выдержал многозначительную паузу: вынул из кармана сигареты, закурил и выпустил вверх два красивых облачка, которые должны были показать, как он осуждает мое внезапное любопытство. Юлька не выдержала и отвесила ему подзатыльник.

– Ай! – обиженно сказал Сашка.

– Не томи, – жалобно произнесла Юлька. – Я и так тут сижу, промокшая, несчастная, мужем кинутая, кулаками стрелянная...

– Хочешь, я на тебе женюсь? – оживился Сашка.

– Да я хоть сейчас в загс согласна, да ведь вы ж пока только в койку зовете. Обманываете бедную девушку, которая к вам всей душой...

– Не, я по честному женюсь, – серьезно сказал Сашка, хотя в глазах плясали чертенята. – Ты привлекательна, я чертовски привлекателен, так чего зря время терять? Да и потом, ты такой плов готовишь... м-м-м-м-м!!!

– Все бы тебе пожрать, – фыркнул я.

– Не, Саш, наш брак обречен с самого начала, – горько всхлинула Юлька, хотя в глазах плясали родные братья Сашкиных чертенят. – Ты только подумай: ты – католик, ходить налево тебе нельзя, разводиться нельзя. А вот я, хоть и выгляжу типичной мусульманкой, женщина русская и от комплексов свободная. Ты в командировку, а я потоскую-потоскую, да и пойду по наклонной. Придется тебе или с рогами ходить, или придушить меня подушкой.

– Ужасная перспектива! – возмутился Сашка.

– Да, – согласилась Юлька. – Давайте выпьем не чокаясь.

Мы выпили, хотя все-таки чокнулись (я – чашкой с чаем), а потом я снова повернулся к Сашке.

– Так что у тебя здесь за дела?

Сашка поскуцнел и начал задумчиво разглядывать потолок.

– Сашка, у меня нервы, я ж не железная, – предупредила Юлька. Он оторвал взгляд от потолка и уставился на нас.

– Оператора тут своего бывшего видел, – задумчиво произнес он. – Совсем человек опустился.

– Это Ефимов что ли? – вспомнил я. – Так он же квасит, как сивый мерин.

– Ага. Он у меня столтник занял. Говорит, будет в новом проекте участвовать. А потом бутылку пива выпил и про проект рассказал. Порнуху снимать будет на заказ. С девочками, мальчиками, все как у больших...

– Хорош трепаться, – возмутилась Юлька. – Ты разговор в сторону не уводи. А то мы тут порнухи не видели и местной и немецкой. Чего ты у нас тут делаешь?

– Ладно, – усмехнулся Сашка. Улыбка была невеселой. – Непонятные вещи творятся. По области вашей, как вы, наверное, в курсе, уже шесть жестоких убийств. Нераскрытых, и на маньяка не похожих.

– Как – шесть? – удивился я. – Я знаю всего про четыре. Три бабы и молодой парень.

– Шесть, Никитос, шесть. Пять женщин и один парень. Почерк убийств схож, хотя, по словам экспертов, убийства совершены разными людьми. Но четкую тенденцию выявить удалось. Эти убийства совершены группой лиц, что удалось совершить совершенно точно. Над всеми жертвами, включая парня, сексуально надругались, причем та же группа лиц.

– Та же? – подняла брови Юлька.

– Ну, может, не та же. Может, насильовали одни, а убивали другие, но факт остается фактом. И менты это дело старательно замалчивают.

– А что они должны делать? – резонно спросил я. – На всех углах кричать, что у них уже шесть трупов? Насколько я знаю, у жертв нет ничего общего. Обычные люди, ни в чем криминальном не замешанные, работают, одна была работником рекламного агентства – тихой и забитой девушкой. Парень – студент. Одна женщина работала оператором в Интернет-кафе. Менты, насколько я знаю, проверяли их и ничего общего не нашли. Друг друга они не знали...

– Лентяи ваши менты, – злобно окрысился Сашка. – Не может быть, чтобы группой лиц были так жестоко убиты шесть человек, и при этом между жертвами не было ничего общего. А еще две женщины и вовсе были приезжими. Одна – домохозяйка, вполне обеспеченная, другая – сотрудница большой риэлтерской фирмы – на телефоне там сидела. Обе приехали сюда и все – кердык. И тоже друг с другом незнакомы. Но ведь по какому-то принципу их отбирают убийцы?

– А это не может быть случайностью? – спросила Юлька.

– Как ты себе это представляешь? – ехидно осведомился Сашка. – Что их выбирают методом тыка?

– А почему бы и нет, – резонно возразила Юлька. – Ты ищешь мотив и связь между людьми. А если связи действительно нет? Ты сам сказал, что жертвы друг с другом незнакомы. Может быть, и правда попадали в лапы преступников случайно. Вон Чекатило не выслеживал определенных людей, шел по наитию.

– Чекатило поначалу специализировался на бродяжках. Это потом он стал нападать на простых смертных, – возразил Сашка. – Когда обнаглел в корень.

– Так может, и эти тоже сперва на бродяжек нападали, – парировала Юлька. – Просто мы об этом не знаем. Мало ли трупов бомжей находят по городу? Ты вот статистику такую ведешь? Я – нет, Никитка тоже нет, и менты, я уверена, тоже не ведут. Они за количество трупов отчитываются, а какой у них социальный статус им по барабану. Ты вот приезжих упомянул, а как их классифицировать, если у них ни особых примет, ни документов? Если их измолотили как...

Юлька вдруг запнулась и сдвинула брови на переносице.

– Что? – спросил я.

– Менты сегодня информацию прислали, ты смотрел?

– Пока нет. И что там?

– Труп. Женщина, блондинка, немногим за тридцать. Причина смерти не указана, просто просьба опознать.

– И что?

Юлька залпом допила коньяк.

– Ничего. В смысле, ничего хорошего. Дело в том, что мы ее очень хорошо знаем, точнее, встречались, хотя я лично ее никогда не видела.

– Как же ты ее никогда не видела, если сама говоришь, что мы с ней встречались? – возмутился Сашка.

– Я с ней в реале не встречалась. Только в чате. Это Катя, ник – Лапа. Вилма и Сынок незадолго до этого в кабаке сидели. Вилма сказала, что Катя сюда на свидание приехала с мужчиной неземной красоты, с которым в чате познакомилась. И вот теперь она в морге, а мужик вообще незнамо где.

– Его кто-нибудь видел? – спросил я. Юлька отрицательно помотала головой.

– Вилма сказала, что Катя его скрывала. У меня почему-то создалось впечатление, что он либо какая-то шишка, либо не местный. Уж очень она не хотела говорить, кто он. Боялась, что отобьет кто-нибудь прыткий.

– Вроде тебя? – усмехнулся Сашка.

– Не смешно. Никит, сходи завтра к ментам, разузнай насчет Кати. Как она погибла. Может, ее машиной сбило, а мы тут уже напридумали невесть что. Или она тайная наркоманка была и от передоза загнулась.

– Может быть, ей просто с мужиком не повезло? – предположил Сашка.

– Может, – эхом отозвалась Юлька.

Ни один из нас в это не поверил.

Хирург

Каждый сходит с ума по-своему. У каждого свои скелеты в шкафу.

Эта житейская мудрость пришла мне в голову в тот момент, когда я сидел дома, и бездумно разглядывая изображение в мониторе. Изображение мне очень нравилось.

Я смотрел на это прекрасное лицо каждый вечер. Сначала мне это просто доставляло удовольствие, потом я почувствовал какую-то болезненную зависимость от чуть раскосых темных глаз, черного струящегося шелка волос и этой такой милой, такой открытой улыбки.

Компьютер у меня был плохонький. А недавно я установил на нем «Виндоус-2000». Так этот чертов агрегат стал грузиться целых десять минут, что меня крайне не устраивало. Иначе я смотрел бы на это лицо еще и по утрам. Жена, конечно, возмущалась, что на заставке у меня лицо посторонней женщины, и не какой-то известной актрисы или модели (это бы она еще стерпела), а человека вполне обыденного и простого, который вполне может ходить рядом с нами. В конце концов, что там на этом фото? Девушка с растрепавшейся прической, умеренно накрашенная, а позади отнюдь не готический замок, а старый троллейбус, проезжавший по улице, и магазин «Меха». И на девушке не шелк и парча, а недорогая черная курточка. Даже сережки в ушах маленькие и почти незаметные.

Объяснить жене, что вот такая девушка – это и есть мой идеал, я не мог, потому фото с рабочего стола компьютера убрал, спрятав в специальную папку, чтобы супруга не дай бог не нашла.

Потом в мою голову пришло чудесное решение: ведь это фото можно напечатать и всегда носить с собой, чтобы любоваться на это неземное лицо. Я это и сделал. Вначале я сделал маленькое фото и спрятал его в бумажнике. Потом этого стало мало, и я поставил увеличенную копию фото в своем кабинете на столе. Правда, со стола его пришлось убрать в ящик, так как

в первый же день меня едва не застучала вездесущая жена, зачем-то забежавшая ко мне на работу.

А потом я почему-то стал зависеть от этого портрета. Если с утра я не видел лица Богини, все из рук вон валялось. Работа шла плохо. Я был груб и несдержан. Если же она улыбалась мне, то даже в самый пасмурный день все как будто расцветало.

Это утро началось хорошо. Никто меня не беспокоил. Я неохотно поговорил с начальником, который почему-то именно сегодня уделил мне толику своего драгоценного внимания. Никто не носился по коридору с воплями. Никто не просовывал голову в кабинет и не просил одолжить пару сотен до зарплаты. А она улыбалась. И на соснах распускались розы.

Идиллию разрушил телефонный звонок. Я снял трубку, подмигнув девушке моей мечты. А вдруг?.. Ведь в нашей жизни все возможно. Но мои мечты были развенчаны самым безжалостным образом.

– Привет, это я, – услышался в трубке капризный томный голос. – Как наши дела?

– Были хорошо, – ответил я, глядя в ящик стола. Богиня улыбалась, и ее улыбка не меркла.

– Ну, надо же, – недовольно протянула моя собеседница, – кому-то уже с утра хорошо. Ладно, давай к делу. Есть для меня что-нибудь новенькое?

Я вздохнул.

Несколько месяцев назад я и моя собеседница начали занимательную игру. Вначале, от скуки, но потом игра стала затягивать нас, как бешеный водоворот. Мы не задумывались над тем, насколько правильно мы поступаем, и что будет с нами, если кто-нибудь очень умный выведет нас на чистую воду. Но пока игра приносила лишь приятные выплески адреналина и весьма приятное времяпровождение.

Все изменилось с появлением моей красавицы, чей портрет лежал у меня в столе. Я продолжал играть, но теперь мне хотелось делать это сольно. Дуэты меня уже не устраивали. А вот мою напарницу или, вернее, подельницу, мой уход со сцены мог очень огорчить.

– Есть новая информация, – поделился я с висевшей на той стороне трубки женщиной. – Он согласен с тобой встретиться. Ты должна сразить его наповал. Слушай внимательно и запоминай...

Она слушала и запоминала, пока я инструктировал ее. Память у нее была отменная, она пока ни разу не прокололась. Правда, результаты ее деятельности были, как правило, одноразовые. Она не могла получать того, чего хотела в полном объеме, как и я. Но игра, ах, эта игра, как она была увлекательна!

– Ты все поняла? – спросил я.

– Как всегда, – томно протянула она. – А это все точно?

– Точно. Время и место дополнительно. Пришлю тебе смс-сообщение.

– О'кей, – жеманно ответила она, вызвав у меня желание убить ее. – Я тебе потом сообщу, как и что прошло.

– Будь осторожна, – предупредил ее я напоследок. – Он не кажется дураком.

– Так и я вроде не дура, – парировала она. В ответ моя богиня саркастически усмехнулась с портрета. Я согласился с портретом. Насчет «не дуры» моя собеседница, конечно, погорячилась.

Я положил трубку и вынул портрет из ящика стола. Поставив его напротив, я облокотился на столешницу и уставился в эти бездонные черные глаза. В животе шевелился привычный жаркий клубок, вызывающий томление и животное желание. Я не выдержал, сунул фото в карман и отправился в туалет. Там, уединившись в кабинке, я смог слегка разрядиться. Каждый раз, когда я делал это, глаза богини смотрели на меня с плохо скрываемым презрением. Я суетливо вымыл руки и бегом помчался в свой кабинет, где уже разрывался телефон.

Звонок заставил меня вернуться к насущным делам. Мое присутствие было необходимо, но пока время терпело. Я снова сел напротив портрета и уставился в восточные глаза. В них все еще плескалась насмешка, такая же ядовитая как ее имя, как ее слова, как ее действия.

– Ты меня пугаешь, – сказал я. – Ты знаешь, как ты меня пугаешь?

Она не знала. Ей на это было наплевать. Божество редко снисходит до простых смертных. Она до меня не снисходила.

Когда я обнаружил ее появление в моей жизни, я удивился, а потом испугался. Потому что я знал, что она уже умерла. Я видел ее тело, я видел ее лицо, желанное, но мертвое. А потом я обрадовался, увидев ее живой и невредимой, помолодевшей и столь же притягательной. Хотя она изменилась. Раньше она была ко мне более снисходительна. Сейчас она словно мстила мне за то, что я рыдал, качая на руках ее бездыханное тело. Ее слова и действия были жестоки. Она меня ненавидела, а я ее обожал.

Телефон на столе настойчиво задребезжал противным скрипучим звуком. Это значило, что мне нужно было идти. Я положил фото в ящик, бросив на него последний взгляд. Богиня победоносно улыбнулась мне, окрыляя меня на новые подвиги. Это так радовало.

Потому что мне сейчас снова предстояло увидеть кровь.

Гюрза

Вечер был испорчен окончательно. Опасавшийся скандала Пашка умотал к родителям и позвонил около девяти не совсем трезвым голосом, что ночевать сегодня не придет, так как мамочка печет пирог и очень хочет, чтобы сынок его вкусил. Я подавила в себе желание крикнуть в трубку: «Чтоб она им подавилась» и довольно вежливо пожелала ему приятного аппетита. Пашку моя приветливость не обрадовала. Он замаялся и даже сделал попытку к примирению, но я уже повесила трубку.

Телефон сразу же зазвонил вновь. Я с сомнением посмотрела на него и решила не подходить, но потом передумала. А вдруг это что-то важное?

Звонила Вилма. Как и следовало ожидать, на визит в морг она не отважилась. Туда отправился Влад и Ирка, впрочем, Ирка скромно сидела на кушетке и нюхала нашатырь, а функцию опознания взял на себя Влад. Это действительно оказалась Катя. Очень жаль.

Мое и без того паршивое настроение сей факт окончательно испоганил. Я садилась, вставала, шла на кухню, пила чай, потом снова садилась, но так и не могла найти себе места. Я с сомнением посмотрела на компьютер: редкий случай, когда он вечером не занят Пашкой. Можно написать статью. Одно плохо, настроения совсем не было. А когда у меня нет настроения, я пишу всякую дрянь, которую потом сама же безжалостно удаляю. Я глубоко задумалась, тупо уставившись в телевизор, где шла очередная мыльная опера.

Вот не люблю я сериалы, хоть режьте меня! Точнее, не люблю сериалы определенного типа. Хотя к некоторым я питаю настоящую страсть. Вот, к примеру, юмористический сериал о похождениях провинциальной няньки в доме известного продюсера! Этот просто обожаю! Или еще вот этот, где преступления расследует красавица-прокурорша. Но сейчас в ящике очкастая девочка с плохими зубами мечтала о том, как она охмурит импозантного владельца крутой компании. Сюжет был предсказуем и до тошноты приторный. Страшилка со скобками на зубах вдруг неожиданно станет красоткой. Все мужики будут падать и укладываться сами собой в штабеля, а принц бросит свою красивую и обеспеченную невесту, чтобы отдать свою свободу саблезубой страшилке с крохотной квартиркой в Митино с занудными родителями в придачу. И, конечно же, принц с радостью воспримет этот коммунальный рай, без забот, без хлопот...

Чушь собачья!

Принцы не общаются с Золушками по одной простой причине: они обитают в параллельных плоскостях, котором не суждено пересечься. Покой наследников престола ревностно охраняют стражники и бдительные родители, чтобы какая-нибудь провинциальная голодранка с большими претензиями не урвала сокровище дома его высочества. Женами принца становятся заботливо подобранные принцессы, со своим капиталом с большим количеством нулей. А то, что она в отличие от Золушки не умеет выращивать тыквы, штопать носки и варить борщ из кислой капусты, совсем не важно. Золушки годятся на роль любовниц, содержанок, но отнюдь не жен. И только очень удачливая Золушка может ловко использовать ситуацию и прижать принца к ногтю. В противном случае его высочество найдет себе другую, более красивую, более длинноногую, умеющую не только петь песенку про доброго Жука, но и показывать ее в лицах. Что до меня, то я на роль дежурного клоуна никогда не тянула, оттого все потенциальные принцы проходили мимо моей неземной красоты. Впрочем, если расценивать Пашку как принца... Правда, замка у него нет, зато есть злая мамаша... и невеликое приданное. Зато он не ревнив, зарабатывает в четыре раза больше меня и... и предпочитает мне грудастых стриптизерш с паклевыми волосиками.

Тьфу!

От расстройства я чуть не заплакала, но вовремя вспомнила, что в наше время женщине модно быть мужественной. Гордо задрав голову, я продефилировала в ванную, открыла кран и из чувства противоречия вылила туда полфлакона пены. Раз уж ни одного принца на горизонте не наблюдается, придется побыть красивой для себя.

Тут кто-то начал царапаться в дверь. В это время суток так себя мог вести только один человек. Я распахнула ее не глядя.

– Входи.

Толик вошел, скинув у порога тапочки, хотя я каждый раз говорила, что не стоит. Они мешали двери закрываться, и я всегда переставляла их в другое место, а он потом искал их на ощупь, потому что был слишком гордым, чтобы попросит меня их вернуть.

– Как дела? – спросил он. Вопрос был дежурным, столь же дежурным, как и его тапочки у входа. Ответа не требовалось, но я всегда отвечала, стараясь дать наиболее развернутую характеристику своему текущему состоянию. Толик замер, поскольку я с ответом не спешила.

– Ты сегодня сама не своя, – вдруг сказал он. – Сперва носилась по квартире как угорелая, потом решила на себе испытать приемы ароматерапии, а сейчас даже не знаешь, что мне ответить. Я не вовремя?

– С чего ты взял? – удивилась я. – Ты мне не мешаешь, иначе я попросила бы тебя уйти.

– Ты не будешь сегодня писать?

– Не буду. Настроения нет. Иди в зал.

Я тяжело вздохнула, а Толик настороженно повел ушами.

– У тебя ванна сейчас потечет.

Я чертыхнулась и побежала в ванную. Вода действительно уже подбиралась к бортикам, а пена, вздымавшаяся над водой ароматным айсбергом, и вовсе подозрительно кренилась набок.

– Я мыться пойду, – крикнула я. – Может быть, тебе музыку включить пока?

Толик вошел в ванную, слегка задрав голову. Его темные очки таинственно мерцали, а на губах была смущенная улыбка.

– А можно я тут с тобой посижу? Приставать не буду, и потом, я же тебя все равно не увижу. Просто твои ваннные процедуры – это надолго, а мне сегодня скучно.

– Как-то это неприлично, – скривилась я.

– Ты же не стесняешься при мне переодеваться? – пожал Толик плечами. – Так что, какая разница? Разве что Пашке это не понравится...

Пашкой он меня добил.

– Хорошо. Стул себе принесешь? Или мне принести?

– Принесу, – кивнул Толик и ушел за стулом. В конце концов, Пашка не стесняется показывать свои интимные части тела всяким задрюпанкам, почему я не могу сидеть голой в присутствии слепого друга?

Способность Толика ориентироваться в чужой квартире меня всегда поражала. Он никогда не спотыкался о телефонный шнур, который никто не удосужился до сих пор приколотить к плинтусу, не натыкался на предметы, ему можно было доверить даже переноску хрусталя. Вот и сейчас он на вытянутых руках нес перед собой стул, на минуту замер с уже занесенной ногой перед моим брошенным на пол халатом, но потом все-таки перешагнул и поставил стул рядом с ванной, где уже в шапке пены сидела я. Каким образом себя можно было так выдрессировать в неполных двадцать лет, я не понимала.

– Толик, тебя в Пентагон не хотят взять на полставки? – не удержалась я. Толик улыбнулся, обнажая сильно расходящиеся передние зубы и сел на стул.

– Пока нет. А надо?

– Фиг знает. Но я бы тобой занялась. Может, ты не слепой, а только прикидываешься? А сам тайком изучаешь мои прелести?

Толик мгновенно покраснел и опустил голову. В ванной было жарко. Сегодня волею случая наконец-то дали отопление, а у меня мощный полотенцесушитель. А тут еще полная ванна горячей воды, ну и я – не самая прохладная девушка в мире. Тут и у более крепкого мужчины стекла на очках запотеют, не то, что у наивного Толика, который смею предположить, девушку никогда не обжимал.

– Когда ты смущаешься, то очень похож на мальчишку, – улыбнулась я и немного подрыгала ногой, чтобы взбить пену.

– Вот уж не знаю, как воспринимать эту реплику – как комплимент или как, – фыркнул Толик. Веснушки на его носу пламенели, как маки. – Я так полагаю, читать мы сегодня не будем.

– Не будем, – сокрушенно призналась я. – Я устала, как собака, а после ванны и вовсе разомлею. Лучше я тебе одну вещь расскажу, а ты выскажи свое мнение. Неважно какое, может, после него мне что-то в голову придет.

И я рассказала. Все, что сегодня нам с Никитой озвучил Сашка, о трупах женщин и мужчины, про фото Кати и ее опознание. Толик не удивился, я постоянно посвящала его в свои дела, читала материалы, иногда он указывал мне на недочеты, где я что-то неясно излагала. Я же старалась писать так, чтобы мои материалы были понятны любому человеку. А уж такая тема, как эти убийства...

Сама не знаю почему, но эта тема меня внезапно встревожила. Вода остывала, пена осела, и мне уже не хотелось лежать в ванне. Ароматерапия почему-то не оказала своего действенного метода. Наверное, обида на Пашку вкупе с тревогой за неизвестных мне людей, погибших по непонятной причине, сделала свое дело. Я села в ванне и подтянула колени к подбородку.

– Я вот что думаю, – вдруг сказал Толик. – А ты уверена, что это происходит только в нашем регионе? У тебя же есть знакомые по другим городам. Пробей, не было ли похожих случаев у них.

– Хорошая мысль, – похвалила я Толика. – И еще можно у ментов поспрашивать. Только я сама туда не пойду, Никитку зашлю. Он там носом и так роет. Вполне вероятно, что чего-нибудь да разнюхает. Со мной менты вряд ли будут более откровенны, чем с ним. У ментов должны быть какие-то сводки, ориентировки... Это же все суммируется, куда-то отправляется... Но мне интересен другой фактор.

– Какой?

– Если эти убийства, как считает Сашка, между собой связаны, то по какому принципу отбирают жертв? Они между собой никак не связаны, никогда не встречались и друг друга не видели.

– Может, случайно? – предположил Толик.

– Может, – неуверенно произнесла я, – но мне почему-то в случайность не верится. Внутренний голос против случайностей.

– Может, маньяк?

– Не верю я ни в какого маньяка. Во-первых, там по свидетельству экспертов, орудует группа людей. Это что же, у людей в связи с осенью, началось сезонное обострение, и они объединились в артель? Во-вторых, если это все-таки маньяк, успешно маскирующийся под группу людей, то выбор его симпатий и вовсе непонятен. Все жертвы разные, это мне Никитка сказал. Порядочные маньяки себя так не ведут. Они отбирают внешне похожих людей, или объединенных чем-то общим, вроде хобби, запаха, цвета волос или манеры одеваться. А тут... Разные люди, разный возраст, разный социальный статус...

– Я бы не сказал, что социальный статус такой уж разный, – пожал плечами Толик, – хотя мне, конечно, сложно судить. Обычный средний класс. Ни миллионеров, ни нищих.

– Пожалуй, – с сомнением, протянула я. – Будь добр, кинь мне халат, он как раз под тобой. Дискутировать будем на кухне. Мать в ночной смене у тебя?

– Ага. А зачем ты халат на пол бросила?

– Я не бросила, он сам с вешалки упал.

Я выдернула из ванны пробку и встала. Толик протянул мне халат и даже деликатно отодвинулся вместе со стулом. Я замотала голову полотенцем, набросила халат и вышла из ванны. Через минуту Толик тоже показался в зале в обнимку со стулом.

– Кофе? Чай? – предложила я.

– А ты что будешь?

– Пожалуй, кофе.

– Ну и я кофе.

Кофе пришлось варить в два приема. Джем-машина у меня рассчитана на одну чашку, так что сперва я угостила Толика, пододвинула ему вазочку с печеньем, а потом, сварив кофе себе, села напротив, покачивая в воздухе ногой.

– Не переживай, – сказал вдруг Толик, – придет он, и вы помиритесь.

– Ты про что? – удивилась я.

– Да про Пашку твоего. Никуда он не денется. Разве такую красавицу как ты бросают?

– Да откуда ты знаешь, что я красавица? – горько улыбнулась я. – Ты же меня никогда не видел.

– Я тебя слышу. Мне этого достаточно. И потом, ты сама говорила, что красота – это вещь относительная: не то красиво, что красиво, а то – что нравится. Я слышу, что о тебе говорят соседи – пацаны с третьего этажа, когда ты бежишь с работы.

– Надеюсь, не только пошлости? – обеспокоено вскинулась я.

– Не только. В тебя тут влюблен весь двор. Они говорят, что ты – самая красивая, но такая неприступная. И что Пашка твой тебе не пара. А бабки наши наоборот, считают, что вы очень хорошая пара, потому что он – их любимчик.

– Еще бы, – фыркнула я. – Он же на Карлсона похож, а Карлсона все любят. Такой же толстый и уютный.

– Странные у тебя вкусы, – покачал головой Толик. – Хотя Никитка вполне тощим был, кажется?

– Меня всегда тянуло к крупным мужчинам, – доверительно призналась я, хотя сама улыбалась и Толик это, кажется, чувствовал. – Толстые мужчины безобиднее, ими легче вертеть, заставлять плясать под свою дудку. Вот Никитос был тощим, потому у нас не сложилось. А толстячок в хозяйстве – вещь нужная. Зимой для тепла, летом для тени.

– Врешь ты все, – рассмеялся Толик.

– Вру? – возмутилась я. – Да я самая честная девушка в этом сезоне!

Толик хихикнул, я его немедленно поддержала. Почти что картинка семейного счастья. Аромат кофе, приятный собеседник, да еще и мужчина к тому же. При этом он явно от тебя без ума, и не важно, что он слепой. Вот только идиллию надолго сохранить не удалось. В дверь кто-то позвонил самым безжалостным образом.

– Кто это? – удивилась я, глянув на часы. Стрелки показывали половину десятого вечера. Время светских визитов было завершено. А жила я не сказать что в самом уважаемом районе. У нас с наступлением темноты здравомыслящий народ предпочитал из дома не высывать нос.

– Может, Пашка? – предположил Толик, поднимаясь.

– Да ну. У него ключи есть. Соседка, наверное. Может, телефон не работает.

Я храбро шагнула к дверям, совершенно не подумав, что на мне только халат, надетый прямо на голое тело, а в качестве защитника – тощий слепой юноша. Как-то в собственном доме я никого не боялась. Однако у самых дверей я притормозила. Произошедшее вдруг разом навалилось на меня и поэтому я не стала, как обычно, распахивать дверь, а трусливо заглянула в глазок. На лестничной клетке маячила какая-то неясная фигура со смутно-знакомыми чертами.

– Кто там? – невежливо осведомилась я.

– Юль, открой, это я, – донесся с площадки тусклый голос.

– Тьфу, блин, – скривилась я и распахнула дверь. На лестнице стояла Наташка, моя двоюродная сестра-погодка, с кислым выражением лица.

– Привет. Ты чего шатаешься на ночь глядя? – осведомилась я, пропуская ее в квартиру. Наташка бухнула сумку на пол, забрызгав стенку грязью. С жутко замызганных сапог немедленно натекла лужа. Я скалила зубы в приветственной улыбке, хотя никакого восторга не ощущала.

– Из дома ушла, – трагически заявила Наташка. – У меня там такой случилось, ужас просто. Можно, я у тебя переночую, а завтра буду квартиру искать?

– Ночуй, конечно, – пожалала я плечами. – Места не жалко. Скидывай свое пальто.

Наташка тяжело вздохнула, вложив во вздох весь драматизм происходящего, и скинула мне на руки пальто. Пройдя в комнату, она уселась на диван и вновь испустила такой вздох, что даже стены бы заплакали. Я терпела, придавленная тяжестью пальто.

– Ну, я, наверное, пошел? – неуверенно произнес Толик.

– Иди на кухню и допивай свой кофе, – приказала я, дошлепав до вешалки и пристроив на нее пальто.

– Юль, – вскинулась Наташка, – ты его на плечики повесь, а то оно форму потеряет, если просто на крючок...

Я стиснула зубы, скинула с плечиков легкую Пашкину куртку и пристроила на ее место пальто. Наташка меланхолично разглядывала стенку. Босой ногой я наступила в грязную лужу, набравшую с Наташкиных сапог, и с трудом сдержалась от некрасивого и не очень цензурного слова. Сунув ногу в тапку, я повозила по полу специально брошенной для этой цели тряпкой. Наташка не шевелилась. Я с полминуты ждала, пока она что-нибудь скажет, а потом плюнула и ушла на кухню. Эффект не заставил себя долго ждать. Оставшись без аудитории, сестрица приперлась следом. Она встала в дверях и посмотрела на меня глазами подстреленной лани.

– Я так устала сегодня. Можно, я ванну приму?

– Полотенце в шкафу. Шкаф в спальне. Спальня прямо по коридору, – нелюбезно ответила я.

– А потом можно мне кофе? – робко спросила Наташка. – А Павел где?

– Кофе я тебе сварю. Пашка у мамы своей водку хлещет. Иди уже.

Наташка кивнула и скрылась в коридоре. Судя по тому, что она ушла в направлении ванной, а не спальни, полотенце мне придется ей нести самой. Я стиснула зубы так, что едва не откусила кусок кружки. Толик нервно ерзал на месте.

– Может, мне лучше уйти? Ты что-то не в настроении...

– Будешь тут в настроении, – проворчала я. – Не обращай внимания. Допивай кофе спокойно.

Ничего хорошего от визита сестрицы я не ждала. Честно говоря, в последнее время я ее недолюбливала. Нет, ничего плохого Наташка мне не сделала. Для этого у нее была слишком слабая психика. Обидеть ее ничего не стоило, а вот сама она плохого слова сказать не могла. Наташка действовала по-другому, добывая всех окружающих своими затяжными депрессиями. Она приходила с убитым видом, забивалась в угол в любом обществе. Окружающие невольно начинали чувствовать себя виноватыми и принимались скакать вокруг сестрицы, стараясь ее развлечь по мере возможности. А уж я всегда старалась больше всех. Но всему рано или поздно приходит конец. Однажды на свадьбе нашего брата Наташка в слезах в середине вечера убежала из-за праздничного стола и отправилась изучать окрестности, которые оглашала своими рыданиями. Я, естественно, понеслась за ней. Причину истерики я выяснила гораздо позже. На свадьбе присутствовал друг моего брата, который немного ухаживал за Наташкой, однако не выдержал даже букетно-конфетного периода и бросил эту бесхребетную амебу. Второй причиной было то, что Наташка не принесла на свадьбу никакого подарка, и ей было стыдно. Впрочем, вся Наташкина семейка была из породы халявщиков и предпочитала на подарки для родни не тратить.

Бегая за Наташкой по колдобинам, я сломала каблук, что радости мне не прибавило. А так как я была задействована тамадой в ряде мероприятий, мне срочно пришлось как-то выкручиваться из положения. В результате остаток вечера я провела в старых туфлях своей невестки, из которых выпадала, так как они были мне на два размера больше. С тех пор я поклялась, что никогда больше не буду развлекать Наташку и не стану решать ее проблемы.

Проблем у моей депрессивной сестры хватало. На моей памяти, ее выгоняли уже из третьей квартиры, которые она снимала у бабулек. Старушкам хотелось порядка, а из Наташки хозяйка была еще та. Два раза квартиру находила ей я, и потом дважды оправдывалась перед старухами, одна из которых жила со мной на одной лестничной площадке. Но с тех пор утекло много воды, и теперь решать собственные проблемы Наташке приходилось самой, что получалось неважно. Что же с ней произошло сейчас, когда она вроде утрясла свои житейские проблемы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.